

ПАВЕЛ АСТАХОВ

НЕВЕСТА

Павел Алексеевич Астахов

Невеста

Серия «Адвокат Артем Павлов», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25101427

Невеста: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56074-5

Аннотация

Вечной теме коварства и любви посвятил свой новый адвокатский триллер Павел Астахов.

Артем Павлов наконец-то встретил настоящую любовь – воспитанницу детского дома Кристину Яснову, умницу, красавицу и вполне успешную бизнес-леди. В один недобрый день Кристина оказывается свидетельницей ограбления и, защищаясь, сворачивает налетчику шею. Поскольку свидетели подтвердили показания Кристины, полиция отпустила ее. Однако вскоре Следственный комитет задерживает возлюбленную Артема по подозрению в зверском убийстве десятилетней давности. Каким-то невероятным образом отпечатки пальцев, взятые после событий в фитнес-центре, совпали с теми, которые были оставлены на ноже, обнаруженном на месте громкого преступления. Тогда была вырезана вся семья уголовного

авторитета, а Кристина как раз училась в том же городе и в то же самое время... Защитить любимую от несправедливого обвинения – дело чести для Павлова. Но и в самом жутком сне ему не могло присниться, какую страшную угрозу таит в себе эта история. И в первую очередь для него самого.

Содержание

Нападение	6
Абонемент	15
Дактилоскопия	22
Интернат	26
Фрол	34
Не повезло	39
Звонок	44
Допрос	49
Аня	59
Бессонница	63
Генерал	67
Воля	73
Свидание	79
Память	89
Клятва	91
Коллеги	95
Встреча	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Павел Астахов

Невеста

© Астахов П. А., 2012

© ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

*Женщина одновременно и яблоко, и змея.
Генрих Гейне*

Нападение

Марина приняла от очередного клиента ключик с крошечным замочком, выдала ему пластиковую карточку и сказала на прощание:

– Всего доброго!

Клиент, хмурый высокий тип с жидкими волосами, сухо кивнул девушке, что, судя по всему, означало «до свидания», и вышел из фитнес-центра. Марина наморщила носик. Она хоть и недавно работает здесь, но никогда не видела, чтобы этот мужчина хоть раз улыбнулся. Протянет небрежно клубную карточку, проедит нехотя что-то вроде «здрасьте», и все это с таким выражением лица, словно у него разом заболели все зубы. Небось в своем офисе наывадавливал за день весь свой запас дежурных улыбок, а она теперь должна его постную мину лицезреть.

Время подбиралось к одиннадцати вечера, и людей в залах заметно поубавилось. Хотя, конечно, были и такие оригиналы, которые приходили размять свои кости и в двенадцать ночи, а некоторые даже в два или три утра (клуб работал круглосуточно), и всегда существовала вероятность того, что кто-то из клиентов вдруг решит для себя, что именно сейчас, в половине четвертого, его тело нуждается в интенсивной тренировке...

Марина с нетерпением посматривала на часы – через

несколько минут ее сменит дежурный тренер, по совместительству выполняющий функции охранника, – симпатичный юноша Влас лет двадцати пяти. Он ей сразу понравился, похоже, и она ему тоже приглянулась, но девушка не была в этом уверена на все сто.

Охранник, который досиживал сегодняшнюю смену, ей не нравился – хамоватый мужик, постоянно отпускающий пошлые шуточки, в придачу от него вечно несло потом. Как-то раз он попытался подкатить к ней, но Марина его быстро отшила. А сегодня у него что-то с желудком, и он вообще практически поселился в туалете.

Еще раз скользнув взглядом по часам, Марина неожиданно вспомнила, что хозяйка клуба тоже должна прибыть с минуты на минуту, и принялась считать выручку – сегодня было много клиентов, как тех, кто пожелал продлить абонемент, так и новых. Ловко перебирая пальцами купюры, девушка думала о своей начальнице Кристине. Хотя той было где-то между тридцатью и тридцатью пятью, Марина втайне завидовала ее внешним данным. И это несмотря на то, что ей самой в этом году исполнится только двадцать три и она регулярно занимается аэробикой.

Без десяти одиннадцать у дверей фитнес-центра остановился внедорожник «Фрилендер», и из него выпорхнула Кристина.

– Привет, – улыбнулась она.

– Добрый вечер, Кристина Владимировна, – поздоровала-

лась Марина.

– Как успехи?

– Все хорошо.

– Не пожалела, что осталась у нас работать? – спросила Кристина, подходя к ресепшен.

– Н-нет, – смущенно проговорила девушка, доставая листок, на котором предварительно выписала данные по новым договорам и итоговой выручке.

– О, молодец, – похвалила ее Кристина, беря листок и быстро просматривая цифры.

В этот момент дверь в фитнес-центр открылась, и в холл вошел молодой человек высокого роста. Несмотря на теплую погоду, на нем была демисезонная куртка, наглухо застегнутая до самого верха, и кепка.

Бросив на вошедшего взгляд вполоборота, Кристина отошла в сторону, освобождая место у ресепшен, но мужчина просто стоял в дверях, безмолвно взирая на женщин.

– Добрый вечер, – прошебетала Марина, раздвинув губы в приветливой улыбке. – Я могу вам чем-то помочь?

Вошедший продолжал хранить молчание, и Кристина, оторвавшись от листка, внимательно посмотрела на него. Худое бледное лицо, на котором россыпью краснеют прыщи, глаза немигающе смотрят куда-то вдаль, длинные руки спрятаны в карманах куртки.

– Вы что-то хотели? – поинтересовалась она, откладывая листок в сторону.

Марина сглотнула подступивший комок – этот незнакомец ей явно не нравился, и она была уверена в одном: он похож на кого угодно, но только не на желающего приобрести клубную карточку фитнес-центра. Может, он кого-то ищет? Или это знакомый Федора, охранника, который до сих пор торчит в туалете?!

Хлопнула дверь, и из раздевалки, вытирая лоб платком, вышел один из оставшихся клиентов.

– Могу я вам чем-то помочь? – повторила Марина заученную фразу; правда, на этот раз ее голос звучал не столь уверенно.

Вышедший из раздевалки положил на стойку ресепшен ключик с замком и поздоровался с Кристиной.

– Да, можете, – разлепил губы худой мужчина. Вытащив левую руку из кармана, он поскреб свой костлявый подбородок, давно не видевший бритвы, и шагнул вперед.

Кристина смотрела на него с чувством смешанного любопытства и легкого недоумения. В отличие от нее Марина находилась в состоянии, близком к панике.

Клиент нетерпеливо кашлянул, и Марина, словно очнувшись, протянула ему карточку. Ей казалось, что глаза незнакомца гипнотизируют ее.

– Деньги, – хрипло бросил худой мужчина, и это прозвучало не столько как требование, сколько как констатация факта. Он вытащил вторую руку, и Марина в ужасе отшатнулась – костлявые пальцы незнакомца с остервенением сжи-

мали нож. Потом сделал еще один шаг, оказавшись теперь прямо перед Мариной, и снова прохрипел: – Давай сюда всю кассу, сука!

Вытаращив испуганные глаза, клиент, оставивший ключик, стал пятиться к выходу. Впрочем, грабитель не обращал на него никакого внимания – его глаза неотрывно смотрели на Марину, и девушка почувствовала себя как кролик перед собравшимся пообедать удавом.

– Деньги! – повторил мужчина и облизнул губы.

– Послушайте, зачем вам это? – спросила вдруг Кристина. – Уберите нож. Посмотрите, как вы напугали девушку.

«Напугали – не то слово», – промелькнула у Марины мысль. Она чувствовала, что еще немного – ее нервы не выдержат, и она завизжит от страха. Ее взгляд совершенно механически зафиксировал ногти грабителя, обгрызенные почти до мяса, и еще то, от чего у нее по спине побежал холодный ручеек, – красные точки на запястье, весьма смахивающие на... следы от укусов?

Внезапно незнакомец прыгнул вперед, перевалился через стойку, и Марина истошно закричала, прижавшись спиной к стене и выставляя перед собой поднятый стул, чтобы хоть как-то оградиться от нападающего.

Выражение лица мужчины мгновенно изменилось – теперь оно было искажено яростью, а прыщи, покрывавшие его впалые щеки, стали свекольного цвета. Рыча и ругаясь, он полез через стойку, и в этот момент сзади оказалась Кри-

стина. Она схватила грабителя за воротник и с силой ударила каблуком в область его икроножной мышцы. Тот взвыл от боли и попытался развернуться. Лезвие ножа прочертило глубокую царапину по стойке ресепшен.

– Отпусти! – завизжал он, дергаясь и брызгая слюной. Кепка свалилась, и он, навалившись на Кристину, внезапно ударил ее головой в лицо.

Женщина отстранилась в самую последнюю долю секунды, и удар оказался несильным, однако из носа все равно засочилась кровь. Она увидела трясущуюся возле лица руку с ножом и, изловчившись, вцепилась зубами в кисть. Кожа была холодная и дряблая, как рыбье брюхо.

– Сволочи! Гады! – Мужчина выронил нож и, схватив Кристину, стал теснить ее к лестнице, которая вела вниз, к служебному помещению.

Марина на негнущихся ногах вышла из-за стойки ресепшен и остановилась возле дерущихся, не зная, что предпринять.

– Не подходи! Вызывай полицию! – закричала Кристина, изо всех сил пытаясь освободиться от объятий сумасшедшего. Она видела безумные глаза незнакомца, его зрачки, крошечные, как булабочные головки, ощущала смрадное дыхание, вырывавшееся изо рта, словно этот человек гнил изнутри, и окончательно поняла, что перед ней наркоман.

Марина, придя в себя, ногой зашвырнула за кресло оброненный налетчиком нож и дрожащими руками принялась

набирать «02».

– Почему вы не хотите мне помочь? – неожиданно спросил мужчина спокойным голосом, продолжая мертвой хваткой держать Кристину за плечи. – Почему?!

Он улыбнулся, и эта улыбка была жуткой, словно неровный разрез на бледной коже. Его рука метнулась вперед и схватила Кристину за горло. Женщина вскрикнула и что было силы ударила наркомана коленом в пах. Хватка ослабла, его тело каким-то непостижимым образом изогнулось, как если бы он прямо тут испытывал ломку, и мужчина, не удержавшись, покатился вниз по лестнице, увлекая за собой Кристину.

– ...пожалуйста, скорее! – срываясь на плач, кричала в трубку Марина. В дежурной службе полиции спрашивали адрес, но, казалось, девушка от ужаса забыла все на свете и только призывала на помощь.

Она не сразу поняла, что внезапно наступила тишина, и, наконец немного придя в себя, скороговоркой, но вполне внятно продиктовала адрес фитнес-центра и свою фамилию.

Затем, преодолевая страх, вышла из-за ресепшен и осторожно посмотрела вниз, приготовившись к самому худшему. К своему огромному облегчению, Марина увидела Яснову, которая стояла на ступеньках, отряхиваясь и поправляя на себе одежду. Распластанное тело налетчика неподвижно лежало на ступеньках, у самой двери в служебное помещение. Голова была неестественно повернута – так, будто он силил-

сы разглядеть, что же происходит там, наверху.

– Кристина... Кристина Владимировна, вы в порядке? – пискнула девушка.

– По-моему, он умер, – произнесла Кристина и издала истеричный смешок. Пальцы нервно затеребили край разорванной кофточки – результат борьбы с грабителем.

– Умер? – автоматически переспросила Марина и вытянула голову, стараясь рассмотреть лежащее на ступеньках тело. Оно оставалось неподвижным.

Прихрамывая, Кристина медленно поднялась наверх и посмотрела в зеркало, висевшее слева от стойки.

– Замечательный вечер выдался, – покачав головой, вздохнула она, доставая из сумочки влажные салфетки. – А я еще на свидание собралась...

Открылась дверь, и в фитнес-центр вошла тучная женщина. Улыбаясь, она протянула Марине карточку.

– Вы точно уверены, что он умер? – не обращая внимания на толстуху, повторила девушка. Улыбка на губах клиентки мгновенно потухла, и ее пухлая рука с карточкой застыла в воздухе.

– Я слышала хруст, он наверняка сломал шею, – ответила Кристина, вытирая салфеткой кровь, все еще сочившуюся из носа.

Глаза полной женщины округлились, и она, спотыкаясь, чуть ли не бегом выскочила на улицу.

– Ну вот, VIP-клиента потеряли, – огорченно проговорила

Кристина.

Марина уставилась на свою начальницу.

– Вам нужна помощь, – выдавила она.

– Именно этим я сейчас и намерена заняться, – ответила

Кристина.

В этот момент из коридора появился Федор. При виде начальницы он хотел было улыбнуться, но, заметив на ее лице кровь, тут же побледнел и испуганно спросил:

– Что-то случилось?

– Ничего, о чем бы вам следовало беспокоиться. Кстати, вы уволены, – твердо произнесла Кристина.

Лицо охранника вытянулось в недоумении, а она, уже не обращая на него внимания, достала из сумочки телефон, быстро нашла в памяти нужный номер и нажала кнопку «вызов». Пока шли гудки, у дверей затормозила патрульная машина, и через несколько секунд помещение фитнес-центра заполнили люди в полицейской форме. Федор продолжал истуканом стоять у ресепшен.

– Павлов, – шмыгнула разбитым носом Кристина, когда на том конце провода послышался знакомый голос, – у меня неприятности. Приезжай быстрее, я на работе...

Абонемент

Артем выключил телефон. Разговор получился коротким, менее минуты, но, судя по посторонним звукам, доносящимся одновременно с тревожным голосом женщины, он понял, что в фитнес-центр прибыла полиция. Потом связь прервалась.

Единственное, что адвокат смог разобрать из сбивчивой речи Кристины, – это то, что в ее спортивный центр ворвался какой-то псих и в ходе потасовки он внезапно умер. Оставалось только догадываться, каким образом наступила смерть грабителя и, самое главное, какова в этом роль Кристины. Артем подумал, что, как бы там ни было, о романтическом вечере, который они планировали еще с прошлой недели, можно забыть.

На ближайшем перекрестке Павлов развернулся и, утопив педаль газа в пол, понесся к фитнес-центру «Олимп», собственником которого была Кристина Яснова.

Внимательно следя за дорогой, он невольно вернулся мыслями к тому дню, когда впервые встретил Кристину. Это произошло около года назад.

Артем не помнил, кто из знакомых порекомендовал ему этот клуб, который, несмотря на высокие цены, выгодно отличался на фоне остальных наличием современного оборудования и прекрасным уровнем обслуживания.

Он долго и придирчиво изучал сеть фитнес-клубов «Олимп», которых в Москве насчитывалось не менее десятка, пока не остановил свой выбор на том, что был ближе к его дому. Так случилось, что в этом центре нередко тренировалась сама хозяйка «Олимпа», тридцатичетырехлетняя Янова Кристина, и именно в тот день она была в клубе. Павлов не забыл, как она выглядела при первой встрече. Под спортивным костюмом угадывалось прекрасно сложенное, тренированное тело. Густые русые волосы были небрежно забраны в хвост, на чувственных губах искрилась заразительная улыбка, от которой самому хотелось улыбаться, а темно-зеленые глаза пленяли своей глубиной и прозрачностью – Артем даже решил, что Кристина использует контактные линзы, но впоследствии выяснилось, что он ошибался. У нее был приятный мелодичный голос, но со временем Павлов убедился в том, что, когда Кристине нужно было решить какую-то серьезную проблему и проявить силу характера, этим голосом можно было резать металл.

Артем остался доволен клубом; правда, его не покидала мысль, что на его решение в пользу выбора именно этого филиала «Олимпа» в значительной степени повлияла сама Кристина. Иными словами, ей удалось произвести на него впечатление.

На следующий день она снова была в зале, и они, как бы невзначай, проговорили между упражнениями почти всю тренировку, и так по-домашнему уютно и естественно, что

адвокат даже не заметил, как быстро пролетело время. Через неделю он пригласил Кристину на ужин, а спустя пару месяцев они уже жили вместе в его квартире.

Если бы кто-нибудь спросил Артема о чувствах, которые он испытывает к этой женщине, вряд ли бы он ответил однозначно. С одной стороны, Кристина принадлежала к одному из редких типов женщин, идеально сочетавшему в себе все те качества, которые он очень ценил. А в последнее время Павлов все чаще задумывался, что его привязанность к Кристине постепенно трансформируется в более сложное и глубокое чувство, над трактовкой которого до сих пор ведутся нескончаемые споры.

С другой стороны, внутренний мир этой женщины всегда оставался для него загадкой, как не до конца прочитанная книга, причем книга, выхваченная у него помимо его воли, да еще на самом интересном месте. Это одновременно и захватывало, вызывая скрытые инстинкты охотничьего азарта, и в то же время вселяло неосознанную озабоченность и даже волнение.

Он приехал к зданию «Олимпа» ближе к одиннадцати и сразу увидел припаркованный у входа в спортивный комплекс полицейский автомобиль. Чуть поодаль стояла машина «Скорой помощи». Через открытые двери фитнес-клуба два крепких санитара выносили носилки с телом, прикрытым простыней. Вслед за ними вышел полицейский и равнодушно наблюдал, как труп закидывают в карету «Скорой»,

его правая рука покоилась на затворе укороченного «калашникова».

Павлов вышел из машины и быстро зашагал к клубу.

– Сегодня они не работают, – важно проговорил сотрудник полиции, выживая из пачки сигарету, но посторонился, пропуская адвоката внутрь.

Артем увидел Кристину. Она сидела в кресле, комкая в руках окровавленную салфетку. Рядом с ней в другом кресле расположился дежурный следователь, что-то старательно царапавший на листке. Еще один полицейский со скучающим видом изучал рекламные буклеты фитнес-центра, заманивающие оформить годовой абонемент по смехотворно низким ценам.

Павлов обратил внимание на продолговатый сверток, заклеенный печатями, который лежал на стойке ресепшен, – судя по всему, это и есть то самое орудие нападения.

– Добрый вечер, – сказал он и кивнул Кристине. Увидев его, женщина тут же встрепенулась, и на ее лице появилось выражение безмерного облегчения. Артем шагнул к ней и мягко опустил руку на ее плечо. Кристина с благодарностью накрыла пальцы Павлова своей узкой ладошкой и крепко сжала их.

– Скорее доброй ночи, – буркнул следователь, поднимая глаза. – А-а, господин Павлов! Вы-то здесь какими судьбами, извините за нескромный вопрос?

– Ехал мимо и заехал, – пожал плечами Павлов. – Я, вооб-

ще-то, на тренировку пришел. А что здесь, собственно, произошло?

– Это я и хочу выяснить у дамы, – ткнул пальцем в Кристину следователь. – А она заладила: мол, сейчас Павлов подъедет, тогда и буду на все вопросы отвечать...

– Вы должны понимать, в каком она сейчас состоянии, – резонно заметил Артем. – Так все же?

– Будем выяснять, – нехотя проговорил следователь. – Пока я увидел только труп мужчины, причем неизвестно, по какой причине он оказался трупом. Да еще нож, вон тесак какой... Надо думать, вроде попытка ограбления.

– Не вроде, а ограбление, – поправила его Кристина, и Павлов почувствовал, как она задрожала всем телом.

– Если нападавший использовал нож, то это уже разбой, а не грабеж, – произнес адвокат. – Разница значительная.

Следователь передал протокол понятым для ознакомления и с едва скрытой неприязнью посмотрел на Артема:

– Уважаемый господин адвокат, благодарю за справку, но я не нуждаюсь в лекциях.

– А меня никто и не уполномочивал вас обучать, – добродушно усмехнулся Артем.

Между тем он напряженно думал: кто этот человек, пришедший сюда с ножом? Кому понадобилось грабить фитнес-центр? Или ему нужна была Кристина?

И, наконец, как он умер?!

– Послушайте, – начала Кристина, но следователь не дал

ей договорить:

– А вы, милочка, лучше бы свой ротик раньше открывали, когда я вам вопросы задавал! Все, теперь будете в кабинете откровенничать.

Тем временем понятые, прочитав протокол осмотра места происшествия, расписались и торопливо отошли в сторону, словно он был заразным.

– Поехали, – устало произнес следователь, убирая бумаги в потрепанную папку.

Полицейский, до этого лениво изучавший стенды, с готовностью подскочил к Яснковой.

– Пойдите! Куда вы ее собираетесь везти? – спросил Павлов, инстинктивно загораживая Кристину своим телом.

– В Гагаринский отдел, куда же еще, – раздраженно ответил следователь – настойчивость адвоката утомляла его. День и так выдался сумасшедшим и богатым на происшествия, а тут еще объясняйся с этим светилом российской юриспруденции! – Тут произошло преступление. – Он с трудом сдерживал себя, чтобы не сорваться. – Возможно, убийство. Кому, как не вам, известно, что нужно делать в таких случаях!

– Какое еще убийство? – переспросила Кристина, не веря своим ушам. – Вы что, с ума сошли? Это просто идиотское стечение обстоятельств!

– Тише, гражданочка, тише, – поморщился следователь.

– Она не убивала, – попыталась робко вступить за свою

начальницу Марина, стоявшая тут же, но следователь махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

– Я поеду с вами, – заявил Павлов, понимая, что дело принимает совершенно неожиданный оборот.

– А это как хотите, – безразлично проговорил следователь. – Я все равно эти материалы передам в районный отдел дежурному следователю, а после меня – хоть потоп...

Кристина была настолько шокирована происходящим, что даже не нашлась что возразить; просто молча встала и пошла за следователем. Полицейский подмигнул застывшей в изумлении Марине и, прихватив из аквариумообразной вазочки на ресепшен горсть леденцов, тоже вышел.

– Что здесь произошло? Ну? Марина, у нас нет времени! – поторопил девушку Артем, нетерпеливо поглядывая в окно. Глубоко вздохнув, Марина на одном дыхании выпалила адвокату, как все было на самом деле.

Дактилоскопия

К счастью, Павлов быстро разыскал районный отдел полиции, куда увезли Кристину. В дежурной части ему сообщили кабинет, и адвокат рванул наверх. Кристина сидела в коридоре с отрешенным лицом. Рядом с ней маячил тот самый полицейский, что находился в «Олимпе», только теперь вместо красочных стендов ему приходилось лицезреть трещины на унылых стенах, покрытых облупившейся краской. Время от времени он отправлял в рот очередной леденец и с таким ожесточенным хрустом разгрызал его, словно это была последняя еда в его жизни.

Дверь кабинета открыл усатый мужчина плотного телосложения.

– Яснова, зайдите, – проворчал он. И, когда Кристина, сгорбившись, прошла внутрь, Павлов шагнул следом. – А вы куда? Кто такой? – насупился мужчина, выпятив живот.

– Адвокат Павлов, городская Коллегия адвокатов, – отчеканил Артем, демонстрируя свое удостоверение.

– Очень приятно, – кисло улыбнулся мужчина. – Сорокин Борис Егорович, старший следователь. Чем могу помочь?

– Я бы хотел присутствовать при вашей беседе.

– Это исключено, – отрезал Сорокин. – Я возьму у нее объяснение, никакого допроса не будет. Пока идет обычная проверка, и вам это известно.

– Конечно. – Артем изобразил на своем лице широкую улыбку. – А еще, уважаемый Борис Егорович, мне известно – наверняка, как и вам, – что в соответствии с положениями статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации защитник имеет право вступать в дело с момента начала осуществления каких-либо мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободу лица, подозреваемого в совершении преступления.

– Она пока не подозреваемая, – пробурчал следователь.

– В таком случае госпожа Яснова может беспрепятственно уйти отсюда прямо сейчас? – вежливо осведомился Павлов, и Сорокин, поняв, что сам себя загнал в ловушку, густо покраснел.

– Мм... по закону... да, то есть нет. Во всяком случае...

– Полноте, Борис Егорович, – миролюбиво перебил его Артем. – Неужели вы так боитесь меня? Хорошо, считайте, что я – официальный представитель Ясновой, если вам от этого будет легче.

– Раз вы представитель, то где ваш ордер? – все еще не хотел сдаваться следователь.

– Вы же знаете, это пустая формальность. Через час он будет у вас на столе.

– Хорошо, проходите, – с неохотой согласился Сорокин, пропуская Артема в кабинет.

Спустя полтора часа, уже глубокой ночью, они покинули

здание полиции.

– Едем домой? Не возвращаться же сейчас за твоей машиной? – спросил Артем, и Кристина согласно кивнула.

– Ладно, держи нос по ветру, – подбодрил ее адвокат, поворачивая ключ зажигания.

– Вот только не надо о больном, – попросила она, дотрагиваясь до своего носа, который к тому времени уже заметно распух.

Павлов тоже осторожно коснулся ее носа и удовлетворенно кивнул.

– По крайней мере не сломан. Я уверен, что мы можем забыть об этом недоразумении, – произнес он, выруливая со стоянки. – Потерпевшая здесь – ты, и с твоей стороны имела место необходимая самооборона. Более того, этот псих сам свернул себе шею при падении, судебно-медицинская экспертиза подтвердит это при любом раскладе. И у тебя есть надежный свидетель – твоя подчиненная, кажется, ее Мариной зовут? Полагаю, проверка закончится возбуждением уголовного дела, но только в отношении этого наркомана. Возбудят – и тут же прекратят по 24-й статье УПК, по причине смерти подозреваемого. Вопросы есть?

– Как у тебя, Павлов, все просто получается, – вздохнула Кристина. – В любой ловушке дырочку найдешь, да? – Она с брезгливостью взглянула на свои испачканные пальцы – последствия дактилоскопирования, полезла в сумочку за салфетками и недовольно спросила: – Зачем у меня отпе-

чатки-то взяли?

– Таковы правила. Вдруг ты банк пару лет назад ограбила и там свои «пальчики» оставила? – со смешком предположил Артем, но, увидев серьезное лицо Кристины, понял, что шутка пришлась некстати.

– У меня голова болит, – сказала она, отвернувшись к окну.

– Потерпи, немного осталось, – успокоил ее адвокат. – Поверь, все будет в порядке.

– Я верю тебе, Тема, – слабо улыбнулась Кристина.

Интернат

Наутро Кристина чувствовала себя намного лучше. Они старались не вспоминать вчерашний вечер, тем более что Артем ясно дал понять, что перспектив у следствия притянуть ее каким-либо боком к этому пустячному делу никаких нет и не будет.

– Какие планы на сегодня? – поинтересовалась она, причесываясь и придирчиво осматривая нос – опухоль спала, и о том, что произошло вчера, напоминала лишь слегка ноющая нога – результат падения с лестницы.

– Ты разве забыла? – удивился Артем. – Нас ждут в коррекционном интернате на Мосфильмовской, помнишь?

Конечно, Кристина помнила. Это уже не первый интернат, куда они планировали нанести визит. Основной целью посещения подобных мест была различного рода благотворительность – от спонсорской помощи до предоставления безвозмездных юридических услуг, которые оказывали юристы из коллегии Артема. Но Кристина догадывалась о скрытых мотивах этих визитов. Хотя и пыталась не думать о неприятной ей теме, но факт оставался фактом – она не могла иметь детей. И вряд ли сможет, так заявили ей по результатам последних исследований.

А Павлов, как только оказывался в очередном интернате, после всех формальностей обязательно просил показать

младшие группы, и Кристина с колотящимся сердцем шла за ним.

При виде розовощеких карапузов, с умильным сопением возившихся в манежиках и изредка оглашавших криком комнату, у нее влажнели глаза, и она сдерживалась изо всех сил, чтобы не дать волю чувствам.

Парадокс заключался в том, что прямых разговоров между ней и Артемом о возможном усыновлении малыша никогда не происходило, однако эта мысль буквально витала в момент их общения на некоем астральном уровне, проявлялась в мимике, взглядах, выражении глаз...

Позавтракав, они отправились на Мосфильмовскую.

Заведующая Тамара Иннокентьевна, невысокая приятная женщина лет пятидесяти пяти, уже ждала их и, слегка волнуясь, принялась рассказывать про интернат. Когда Артем задал вопрос о судьбе выпускников, ее речь стала еще более эмоциональной:

– Это отдельная тема, и она как никогда актуальна сейчас! Артем Андреевич, если бы вы знали, как им тяжело адаптироваться в новом мире! Ведь, по сути, эти дети всю свою сознательную жизнь прожили на всем готовом и не привыкли обслуживать себя! Они считают, что им все должны, а сами они совершенно беспомощны! Вот, к примеру, приходила недавно немолодая пара, хотели нашего мальчика в цирк сводить... Я им говорю: «Не надо цирка, мы их каждые выходные куда-то возим! Пройдитесь с ним по магазинам!

Приготовьте вместе обед, отремонтируйте розетку! Зайдите в обувную мастерскую, в конце концов, пусть они видят, что набойки на ботинках сами не приклеиваются!» Ведь они ничего не умеют! А подарки! Вы знаете, сколько им всего тут привозят? Однажды кто-то из меценатов аудиоплееры привез, так мальчишки из старшей группы их где-то продали и водку на эти деньги купили, вечером смотрим – все пьяные лежат!

– Судя по вашим словам, чем беднее интернат, тем лучше для детей.

– Парадоксально, но такая мысль иногда приходит мне в голову... Ой, я вам, наверное, уже надоела! Может, вы хотите корпуса посмотреть?

– Да. Желательно младшие группы, – сказал Артем, перехватив взгляд Кристины. Заведующая заметила это и все поняла.

– Конечно, конечно... – заторопилась она, и они вышли из кабинета.

Осмотр детского корпуса занял не более тридцати минут. И все это время Павлов с Кристиной молчали. Артем не мог отогнать от себя мысли об одной трехлетней девочке, которая буквально не отрывала от него глаз, когда он присел перед ней на корточки. Огромные синие глаза серьезно смотрели на изумленного адвоката. Потом малышка протянула ручонку и, дотронувшись до щеки Артема, пролепетала вопросительно: «Папа?»

Кристина при виде этого отвернулась и подошла к окну. У нее больше не было сил тут находиться. Сейчас она одновременно и любила и ненавидела Павлова. Любила за то, что он всегда тонко чувствовал и угадывал ее тайные мысли (ну, или почти всегда), эффектно воплощая их в реальность. Ненавидела – потому что этим визитом он словно в очередной раз подводил жирную черту под непреложной истиной: она не может иметь детей. СВОИХ детей. Хотя так хочется верить в добрую сказку...

Павлов с величайшей осторожностью посадил девочку обратно в манежик, и та, с недоумением посмотрев на него, заплакала. Не зашлась криком, как обычно делают недовольные чем-то дети, а именно заплакала, вытирая слезы своими крошечными кулачками. Когда Артем вышел из корпуса, его лицо было словно высечено из гранита.

– Мне надо привести себя в порядок, – пробормотала Кристина. – Простите, где у вас туалет?

После ее ухода Артем с заведующей расположились в фойе на диване за журнальным столиком.

– Как ее зовут? – спросил Павлов, чувствуя, как к горлу подкатывает комок – из сознания не исчезало личико девочки с ее не по-детски серьезными глазами.

– Женечка Пономарева, – ответила Тамара Иннокентьевна. Она смотрела на него и не могла поверить своим глазам – еще никогда ей не доводилось видеть известного адвоката в таком состоянии.

– Какое у нее заболевание?

– Она почти ничего не слышит. Но врачи говорят, что шансы у нее есть. В остальном это совершенно здоровый ребенок.

– Вы так говорите, словно я удочерить ее хочу, – глухо произнес Павлов.

«А разве не так?» – хотела спросить Тамара Иннокентьевна, но в последний момент передумала.

В это время двери заведения распахнулись, запуская внутрь гурьбу девочек. Судя по всему, это была старшая группа – они выглядели лет на тринадцать-пятнадцать, и некоторые из них уже казались вполне сформировавшимися девушками. Они остановились в нескольких шагах от Павлова с заведующей и стали бесцеремонно разглядывать адвоката.

– У этой девочки есть родственники? – задал еще один вопрос адвокат, и заведующая окончательно убедилась, что он думает об удочерении.

– Мать, ее лишили родительских прав. Извините, Артем Андреевич, за нескромный вопрос... Вы женаты?

– Простите, но разве это имеет значение при удочерении? – удивленно вскинул брови Павлов.

– Нет, конечно, – немного растерялась заведующая.

– Заверяю вас, у меня есть все условия для того, чтобы обеспечить ребенка самым лучшим, – твердо проговорил Артем.

– Не сомневаюсь, – кивнула Тамара Иннокентьевна. – Дети любят природу. У вас, наверное, и дача имеется.

– Угадали. В Переделкине, как раз недавно строительство закончил, – суховато ответил адвокат.

Эта интонация не ускользнула от заведующей, и она примирительно сказала:

– Вы ничего такого не подумайте, Артем Андреевич. Я вижу, вы хороший человек. Но прошу вас, поймите. Этим детям, – женщина сделала жест в сторону притихших девочек, – нужно внимание и нормальное человеческое общение. Они не столько нуждаются в материальных благах, сколько в капельке теплоты и возможности быть услышанными.

Девочки зашушукались, одна из них робко улыбнулась Артему, при этом ее щечки залил румянец.

В этот момент показалась Кристина. Лицо спокойное, глаза абсолютно сухие, губы подкрашены.

– Ну что, едем? – каким-то безразличным голосом поинтересовалась она у Артема и словно невзначай коснулась пальцами своих изящных часиков.

– Сейчас. Про материальные блага вы хорошо сказали, и мне даже как-то неудобно вам сейчас помощь предлагать, – сказал Павлов, поднимаясь.

– Отчего же, – пожала плечами Тамара Иннокентьевна. – Мы никогда не отказываемся от помощи, особенно если это от чистого сердца. Кстати, мы на днях запланировали поездку на речном трамвайчике или теплоходе, еще не определи-

лись. – Она многозначительно взглянула на адвоката.

– Разумеется, – сказал Павлов, передавая заведующей визитку. – Сообщите, пожалуйста, сумму расходов, и я все улажу.

Кристина открыла было рот, чтобы поторопить Артема, как вдруг одна из девочек, стоявших и шушукающихся поодаль, стала пятиться назад, пока не уперлась спиной в зеркало. Ее широко раскрытые глаза чуть ли не вылезли из орбит, на перекошенном лице застыло выражение всепоглощающего ужаса. Она не сводила взгляда с Артема.

– Аня, что с тобой? – встревоженно спросила Тамара Иннокентьевна, почти бегом кидаясь к странной воспитаннице.

Девочка закрыла руками рот и трясла головой, с ее губ срывались какие-то нечленораздельные, мычащие звуки. Ее ноги подогнулись, и она стала оседать на пол. Заведующая принялась ее поднимать. Девочки отошли в сторону, при этом на их лицах не было испуга, словно все происходящее – вполне обыденная картина.

– Я могу чем-то помочь? – спросил Артем.

– Нет, не надо. У нее это иногда случается... Ира, ну-ка, бегом, позови Софью Сергеевну! – приказала Тамара Иннокентьевна, и одна бойкая девчушка, мотнув рыжими хвостиками, унеслась вверх по лестнице.

– Всего хорошего, – попрощался адвокат, но перед самым выходом снова посмотрел на девочку. Она стояла, обхватив руками заведующую, ее глаза были закрыты, а худенькие

плечики продолжали вздрагивать. На полу, рядом с красными туфельками, медленно расплывалась лужица.

– Пошли. – Кристина тронула за рукав Артема, и они вышли наружу.

Фрол

– Шах.

Зэк, щуплый парень с плоским лицом и невыразительными глазами, чесал затылок и мучительно обдумывал следующий ход. Его оппонент был лет на двадцать старше и вдвое шире в плечах. Лицо словно высечено топором из старого дуба, спрятанные под густыми бровями глаза смотрели слегка насмешливо.

И в то же время весь облик уголовника говорил о том, что на узкой тропинке с ним лучше не встречаться.

– Твой ход, Кирза, – пробасил он, и щуплый еще отчаянней заскреб затылок.

– У тебя там что, вша завелась? – недовольно поинтересовался пожилой зэк, с интересом наблюдавший за игрой.

Кирза, проигнорировав вопрос, подвинул фигуру на другую клетку, обеспечив таким ходом, как ему казалось, временную безопасность своему королю.

Широкоплечий зэк по кличке Фрол хмыкнул и выдвинул ладью, лишая короля Кирзы какого-либо маневра.

– Мат. Все, Кирза, партия.

Сутулый нахмурился и смел свои фигуры рукой.

– Глупая игра.

– Ну почему же? – с невозмутимым видом возразил Фрол, аккуратно убирая в потрепанный пакетик шахматы – они бы-

ли вылеплены из хлебного мякиша. – Если не умеешь играть, это не значит, что игра глупая. С тебя, кстати, сотка «зеленых».

– Как это? – опешил Кирза. – Ты же говорил, играем «ни на что»?

Барак взорвался от хохота зэков.

– Дурилка, – ухмыльнулся Фрол. – Ты что, думаешь, для меня сто баксов – деньги? Это так, ничто. Поэтому за тобой должок. Очевидцы – вся хата. Так ведь?

Со всех сторон послышался одобрителный гудеж.

На Кирзу было жалко смотреть. Он-то был уверен, что в шахматы здесь кого хочешь обыграет, а что вышло? Мало того, что опозорился, так еще и должником остался! Он слышал, что с Фролом шутки плохи – этот вор не первый срок мотает и вообще живет только по понятиям...

– Сынок, ты радуйся, что легко отделался, – хрипло сказал все тот же пожилой зэк с верхних нар. – Недавно один такой фраер пальцы веером раздвигал, мол, я в «шешбеш»¹ кого хочешь взгрею! Его Витька Кутаисский в два пинка обыграл, так потом жена этого лоха кредит брала, чтобы должок погасить!

– Ладно, – вдруг сказал Фрол. – Поди, Кирза, кипяточку согрей, чифирнем.

С затеплившейся надеждой в глазах Кирза помчался выполнять указание. Когда все было готово и литровая кружка

¹ Нарды (*жарг.*).

пошла по кругу, Фрол, как бы между делом, спросил:

– Сам-то откуда?

– С Урала я, в Некрасовке жил.

– Че ж тебе, перед этапом не сказали, что на кон нельзя ставить, коли карманы пустые?

Кирза отрицательно покачал головой.

– Ну, времена, – протянул Фрол. – Лады, на первый раз прощаю долг.

– Спасибо, Фрол, – сразу засиял Кирза.

– Не «спасибо», а «благодарю». Или «от души», – строго поправил молодого зэка Фрол. – Нам за этими стенками у Бога просить спасения нет надобности...

– Благодарю.

– Есть кто родственники? – продолжал расспрашивать Кирзу Фрол.

– Мать в Некрасовке осталась. Старенькая уже. Батя умер, когда я совсем щенком был.

– И все?

– Нет, тетка. Только она в Москву подалась.

– В Москву? – переспросил Фрол, и в глазах его мелькнуло оживление. – Что делает?

Кирза снова поскреб затылок, с трудом соображая, чего от него добивается Фрол.

– Кажись, в детской больнице работает, – ответил он нерешительно. – Не помню точно.

– Кирза, мне тебя сам ангел ниспослал, – подался вперед Фрол. – Ты мне поможешь. Надо человечка одного найти. Отпишись своей тетке на волю, пускай поищет, лады?

– Ну, не знаю, – с сомнением проговорил зэк, но, заметив, как сузились глаза Фрола, вспомнил о прощенном долге и поспешил добавить: – Я, конечно, напишу ей, Фрол. Она там давно работает, может, чего и знает. Но... ты же понимаешь. Москва – город не маленький.

– Понимаю. А ты все равно попробуй, – похлопал его по плечу Фрол. – Если найдет – я тебя отблагодарю, слово даю.

Он отхлебнул чифирь и передал следующему зэку. После этого завалился на нары и, достав фотографию, уставился в нее немигающим взглядом. С нее немного застенчиво смотрела симпатичная женщина лет тридцати пяти.

– Сестра? – хрипло полюбопытствовал свесившийся сверху пожилой зэк, и Фрол недовольно сдвинул брови.

– А тебе чего, Седой?

– Ты не думай ничего, Фрол, – откашлялся старый зэк. – Но сам ведь знаешь, вести по кичам быстрее птиц летают. – И, понизив голос, добавил: – Ходят слухи, ты на сходке клятву дал.

– Предположим, – посмотрел зэку прямо в глаза Фрол. – Что из того?

– Послушай меня, старика, и прожекторами-то своими не сверкай, – как ни в чем не бывало продолжал вещать Седой. – Времена сейчас не те. Да и ты не молодеешь. Не нужно

было перед авторитетами такими словами разбрасываться.

– К чему клонишь, Седой? – прошипел Фрол.

– Не в ту войну ты ввязался. И вряд ли на коне окажешься.

– Это уж не твоя забота.

– Оно понятно, – вздохнул старик. – Ты – правильный вор,

Фрол, но против системы переть бесполезно. Поверь моим годам, я много чего повидал.

Фрол поднялся и приблизил к зэку свое раскрасневшееся от гнева лицо.

– Седой, здесь и так много ушей. Но тебе я скажу. Пока эта мразь, что подставила под нож мою сестру, гуляет на воле, пьет и жрет, сука, я спать спокойно не буду. У меня никого, кроме нее, не было. И я буду последним чмырем, если не выйду и не накажу падлу. Уяснил?

Старый зэк закричал. Разговор был бессмысленным – Фрола не переубедить, и каждый из них остался при своем. А с другой стороны, и вправду, чего он лезет в чужой огород? Фролу скоро на волю, вот пускай сам своей свободой распоряжается. А Седому, видать, в этих стенах смерть встречать.

Не повезло

Прошло три дня. За это время Кристину вызвали на допрос лишь однажды, и на этот раз она отправилась к следователю одна, против чего Павлов, собственно, не возражал. Единственное, он просил ее не задерживаться – вечером их ждал в гости Шамиль, старый и верный друг Павлова. Повод для встречи был приятный – Шамиль разменял старую квартиру, переехал в новенькую просторную «трешку» в только что построенном доме и все время обещал позвать Артема на новоселье.

Борис Егорович Сорокин встретил Кристину как старую знакомую, чем она была немало удивлена. Он неторопливо расспросил ее о всяких несущественных мелочах, предложил чаю и, лишь когда Кристина недвусмысленно дала понять следователю, что время ее ограничено, вздохнув, приступил к допросу.

Собственно, во время допроса следователь ничем особенно не интересовался, практически под копирку переписал объяснения Кристины, которые она давала еще в первый день. Она мельком пробежалась глазами по напечатанному тексту и поставила свою подпись на протоколе.

– Вы, кстати, можете потребовать признать вас потерпевшей, – заявил Борис Егорович, забирая у Кристины протокол допроса.

– А с кого мне ущерб взыскивать? – фыркнула Яснова. – Вы, простите, хоть узнали, откуда этот сумасшедший взялся?

– Разумеется, – улыбнулся следователь, но эта улыбка не очень понравилась женщине, было в ней что-то фальшивое. – Тарасов Роман, двадцать шесть лет от роду, безработный. Состоял на учете в наркологическом диспансере. Примерно за час до визита в ваш клуб он серьезно ранил ножом пенсионерку у себя в подъезде. К счастью, женщина осталась жива.

– Боже! – пробормотала Кристина.

– Так что, судя по всему, в его действиях не было конкретного умысла, и вам просто не повезло. Считайте, что у вас был неудачный день.

Кристина вспомнила нож, которым размахивал у ресепшен этот псих, и почувствовала, как по всему телу пробежала противная дрожь.

– Может, все-таки чайку? – снова выдавил из себя улыбку Сорокин, но она отрицательно покачала головой.

На столе у следователя зазвонил телефон. Борис Егорович вытер вспотевший лоб платком и взял трубку.

– Да. Конечно, – отрывисто произнес он. После недолгого молчания, уже тише, добавил: – Хорошо.

Кристина заворуженно смотрела на этого плотного мужчину, отчаянно вытиравшего катящийся градом пот, и пыталась понять, что же ей кажется странным. Ответ нашелся сам – кондиционер. В кабинете вовсе работал кондиционер,

а Сорокин потел, как в бане.

«Он волнуется», – пронеслось в голове у Кристины, и она крепко сжала пальцы в кулаки, так что ногти впились в ладони. Эта сальная улыбочка, разговоры ни о чем, чай-кофе...

Теперь она была готова поклясться, что Сорокин из кожи вон лез, чтобы на какое-то время удержать ее у себя в кабинете.

– Скоро станут известны результаты экспертизы, – заговорил следователь, глядя в окно. В коридоре послышались гулкие шаги, и он нервно забарабанил пальцами по столу.

– Я свободна? – поинтересовалась Кристина, пытаясь сохранять спокойный тон, и поднялась со стула.

Борис Егорович собрался что-то сказать, но тут в кабинет вошли двое мужчин. Один из них был одет как полицейский, второй – в гражданской одежде, однако непроницаемое лицо и колючий, настороженный взгляд выдавали в нем представителя силовой структуры.

– Гражданка Яснова? – спросил он, причем вопрос прозвучал скорее как утверждение.

– Да, это я, – упавшим голосом произнесла Кристина.

– Я из Следственного комитета. Управление по расследованию особо важных дел, майор Сизов. Вам придется проехать с нами.

– Следственный комитет? – переспросила Кристина сиплым голосом – у нее моментально пересохло в горле. – Зачем я понадобилась Следственному комитету?

– Вам все объяснят, – уклонился от прямого ответа майор. – Пожалуйста, идемте. – С этими словами Сизов осторожно и в то же время решительно взял женщину за локоть. Кристина молча встала, чувствуя, что перед глазами все поплыло.

Артем озабоченно поглядывал на часы. Кристина обещала нигде не задерживаться, но прошли все мыслимые и немыслимые сроки, а ее все не было. Шамиль тоже задергал его постоянными звонками, и Павлов, не вдаваясь в подробности, был вынужден сказать, что сегодня они уже вряд ли приедут.

Он быстро разыскал номер телефона Сорокина и уже через минуту разговаривал со следователем.

– Она задержана, – услышал Артем, и ему показалось, что он ослышался.

– Не понял, – только и смог сказать он. – За что, позвольте узнать, господин следователь?

– Это мне неизвестно, – равнодушно отозвался Борис Егорович. – Могу лишь сказать, что вашей подопечной заинтересовались в Следственном комитете, и ее увезли.

– Почему вы не дали ей возможности позвонить? – резко спросил Павлов.

Следователь буркнул что-то невразумительное, и Павлова вдруг осенило:

– Постойте... так вы обо всем знали?

– О чем? – как ни в чем не бывало быстро произнес Со-

рокин.

– Ваш сегодняшний допрос – лишь повод для задержания Ясновой, так?

– Это ваши домыслы, господин адвокат. У вас все ко мне? – Не дожидаясь ответа, Борис Егорович повесил трубку.

Звонок

Павлов взъерошил волосы. Происходящее напоминало ему неудачный детектив, каким-то немислимым образом трансформировавшийся в реальность, и эта реальность оказалась частью его жизни. Причем не только его жизни, но и жизни человека, к которому он питал самые нежные и сокровенные чувства.

Он уже намеревался звонить в дежурную часть Следственного комитета, как неожиданно заверещал его мобильный. Определившийся номер на дисплее был ему незнаком.

– Слушаю вас.

– Артемий Андреевич? – услышал адвокат мужской голос. – Здравствуйте. С вами разговаривает заместитель начальника Управления по расследованию особо важных преступлений против общественной безопасности Следственного комитета полковник Милещенко Владимир Яковлевич.

– Очень приятно, – ответил Павлов. – Полагаю, ваш звонок связан с моей подопечной Ясновой?

– Вы совершенно правы насчет Ясновой, только *вашей* подопечной в рамках дела, по которому она сейчас задержана, она не является. Тем не менее Кристина Владимировна изъявила желание, чтобы в качестве ее адвоката выступили именно вы.

«Было бы удивительно, если бы она назвала кого-то дру-

гого», – подумал про себя Артем, а вслух произнес:

– Я приеду с ордером. Куда подъехать?

Милещенко продиктовал адрес и добавил на прощание:

– Я планирую провести допрос в ближайшее время, поэтому, прошу вас, не задерживайтесь.

Вечер пятницы, как всегда, был суетным, особенно принимая во внимание начавшийся дачный период. Автомобили вереницей потянулись из душной Москвы, и Павлову пришлось бы выстоять не один час в пробках, если бы он не знал город как свои пять пальцев.

Милещенко предварительно заказал на адвоката пропуск, и Артем без задержек прошел в здание Следственного комитета. Мимоходом он подумал, что, раз Кристина еще не в СИЗО, это неплохой признак. Вполне вероятно, что она там и не окажется.

Единственное, над чем продолжал ломать голову Павлов, так это повод для задержания своей возлюбленной. При всем своем воображении он и представить себе не мог, что могла натворить Кристина, если против нее развернули такие «орудия» правоохранительной системы...

Милещенко оказался невысокого роста, почти на две головы ниже Артема, что, впрочем, не мешало ему разговаривать таким тоном, словно все в точности наоборот.

– Вы планируете провести допрос? – спросил адвокат.

– Поэтому я и настоял на срочности, – кивнул Милещенко. – Чаю, к сожалению, не предлагаю – времени мало.

– Благодарю, я как-нибудь переживу эту потерю, – сухо бросил Артем. – Вот ордер, Владимир Яковлевич. Я бы хотел пообщаться с Ясновой наедине.

– Сейчас начнется допрос, и вы все узнаете.

– Это не моя прихоть, а требование закона, – все так же ровно произнес Павлов. – Статья 92 Уголовно-процессуального кодекса, часть 4-я. Кстати, я заодно взглянул бы на протокол задержания. Позвольте?

– Разумеется.

Артем взял в руки документ и углубился в чтение. Глаза моментально резанула статья, которая вменялась Кристине, и адвокату, несмотря на прекрасное самообладание, на мгновение стало не по себе.

– Здесь указано, что задержание произошло в восемнадцать пятьдесят, – сказал он, сумев взять себя в руки. – Но еще в восемнадцать сорок пять, господин следователь, мы с вами беседовали по телефону. Показать вам свой мобильный?

– Зачем? – равнодушно спросил Милещенко.

– Следователь Сорокин, который ведет дело по нападению на клуб Ясновой, сообщил, что ее увезли примерно в два часа дня. Сейчас почти семь вечера, Владимир Яковлевич. Как вы объясните, где находилась Кристина Владимировна пять часов?

– Артемий Андреевич, не сгущайте краски, – скривился Милещенко. Он взял со стола цветную скрепку и принялся

крутить из нее разные фигуры. – Что вы цепляетесь к этим мелочам? Вы видели статью, по которой ваша Яснова попала под подозрение?

– Видел, – спокойно ответил адвокат. – Убийство с отягчающими обстоятельствами. Прямо целый набор. Вот поэтому, уважаемый Владимир Яковлевич, я и буду, как вы изволили выразиться, цепляться к подобного рода мелочам. Потому что за осуждение по этой статье никто не будет грозить пальчиком, человек в один момент лишится всего.

– Да вы философ, – хмыкнул Милещенко. Ему наконец надоело забавляться со скрепкой, и он, вздохнув, произнес: – Ладно, Павлов. Я дам команду, чтобы тебе разрешили с ней пообщаться.

Владимир Яковлевич быстро набрал какой-то номер по селекторной связи:

– Сизов, приготовьтесь, сейчас к вам адвокат придет. – После этого он снова обратился к Артему: – Можешь идти, она в двести сорок четвертом кабинете. Только недолго.

– Два часа – это раз, Владимир Яковлевич, – обернувшись у выхода, негромко проговорил Павлов. – И на «ты» мы с вами не переходили. Это два.

Он покинул кабинет, и Милещенко нахмурился. Может, зря он пошел на поводу у Ясновой и согласился вызвать Павлова? Не хватало еще с ним проблемы иметь. Он не понаслышке знал, что этот молодой, но весьма успешный и известный юрист выиграл много дел, имевших широкую оглас-

ку в СМИ.

Полковник взял новую скрепку и вздохнул. Он проявил, так сказать, сочувствие, вызвонил эту «телезвезду» Павлова, а что в ответ? Какие-то голословные обвинения по несостыковке времени в протоколе, обиды на фамильярность...

– Ничего, ничего, – пробормотал Владимир Яковлевич, отпивая глоток чая, который к тому времени давно остыл. – Скоро по-другому запоете... голубки.

Допрос

Сизов открыл Павлову дверь и тут же закрыл ее с другой стороны.

– Артем! – вскрикнула Кристина, бросаясь к нему.

Павлов обнял ее, крепко прижав к себе.

– Тема, – всхлипывала она, глядя мужчину по лицу. – Я думала – все, забыли меня все...

– Что за ерунду ты несешь! Кристина, у нас мало времени. Давай садись, и все спокойно обсудим.

Женщина покорно села на стул, вытирая платком уголки глаз.

– Я тебя слушаю. Что происходит? – спросил Артем. – В чем тебя обвиняют?

– Я не знаю, – растерянно ответила Кристина. – Мне ничего не объяснили, сказали, что нашли какое-то старое дело, и теперь хотят за что-то меня привлечь... Вот и все.

– Кристина!

– Что? – в свою очередь повысила голос Яснова. – Надеюсь, ты не сомневаешься в моих словах?

Артем глубоко вздохнул, мысленно приказывая себе контролировать эмоции.

– Мне кажется каким-то безумием, что тебя привлекли по этой статье.

– А... там что, большой срок? – растерялась Кристина.

– Пожизненный, – ответил Артем. – Или двадцать лет лишения свободы.

Она молча смотрела на него расширенными глазами.

«Похоже, для нее это и вправду новость», – подумал Павлов.

– Я хочу знать все. Хотя бы потому, что мы друг другу не просто знакомые. Во всяком случае, мне хочется в это верить. Ну? – поторопил он. – Кристина, если ты будешь молчать, мне будет очень сложно тебе помочь.

– Что ты от меня хочешь? – измученно произнесла женщина. – Думаешь, мне приятно тут сидеть и ждать, когда мне разрешат сходить в туалет или попить воды?!

– Кристи...

– Я ничего не знаю! – заплакала Яснова и в бессилии стукнула кулачками по коленям. – Я понятия не имею, почему меня забрали сюда! Я не знаю ни о каком деле, которое они раскопали! Ты мне веришь?!

– Верю. Я прошу, успокойся.

– Я хочу домой, – приглушенно сказала Кристина, закрывая лицо ладонями. – Я не хочу отвечать на их дурацкие вопросы. Ты понимаешь меня, Тема?

– Да.

Некоторое время они просидели в полном молчании. Павлова раздирали противоречивые чувства – он и жалел Кристину, и одновременно ее поведение вызывало у него смутное раздражение.

«А может, это подстава?» – внезапно подумал он. И тут же параллельно возник второй вопрос: кому и зачем это надо? Ведь согласно законам природы в любом действии, будь то взмах руки или война мирового масштаба, имеется свой интерес.

– Может, ты знала раньше этого... Милещенко? – попробовал подойти к делу с другой стороны Артем, но Кристина отрицательно качнула головой.

– Извини, Павлов, – криво усмехнулась она, – но, похоже, здесь тебе придется повозиться.

– Да уж, – пробормотал адвокат и, немного подумав, добавил: – Ты можешь отказаться от дачи показаний. По крайней мере сейчас.

– Как это?

– По статье 51 Конституции ты не обязана свидетельствовать против себя и своих близких, – объяснил Павлов. – Но мне надо в любом случае знать, в чем тебя подозревают.

Кристина вяло пожала плечами, и Артем понял, что больше ничего добиться не сможет.

Он встал и открыл дверь. Сизов сидел неподалеку на стуле, листая газету.

– Мы закончили, – сказал Артем.

– Что-то быстро, – заметил майор, провожая их в кабинет Милещенко.

– Я рад, что вы так быстро подготовились к допросу, – произнес Владимир Яковлевич с плохо скрытой издевкой. –

Уверен, что теперь вы во всеоружии. Как вы себя чувствуете, Кристина Владимировна?

– Пока не познакомилась с вами – хорошо, – мрачно ответила Яснова.

– Итак, приступим к допросу. В присутствии вашего защитника я разъясняю вам ваши права, как подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного статьей...

Пока Милещенко зачитывал вслух необходимые формальности, Павлов вдруг отчетливо понял, что сегодня Кристина домой не вернется. Он всегда доверял своей интуиции и сейчас, как никогда, чувствовал, что бессилён помочь любимой женщине.

– Где вы находились 25 июня 2001 года? – задал вопрос Владимир Яковлевич.

Лицо Кристины застыло.

– Вы что, издеваетесь? – холодно спросила она. – Вы хотите знать, что я делала почти десять лет назад, вплоть до конкретного дня? Может, еще час укажете?

– Именно. Если быть точным, то меня интересует период времени с двенадцати утра до пяти вечера. И я больше чем уверен, что этот день вы помните всю свою жизнь, Кристина Владимировна, – произнес Милещенко, не сводя с нее глаз.

– Я могу только сказать, что была в Новосибирске. В тот период я работала там и параллельно училась на заочном отделении.

– И все же?

– Я не помню, – решительно ответила Кристина.

– Вы были знакомы с Максимом Игнатовым?

Яснова непонимающе посмотрела на следователя, словно он заговорил на китайском языке.

– Тоже не помните? Ладно. Это бывший лидер организованной преступной группировки Новосибирска по кличке Кнут. Преступное сообщество именовало себя «филины», название прикрепилось к банде в связи с тем, что свои преступления бандиты предпочитали совершать в темное время суток, – пояснил Милещенко.

– Я первый раз об этом слышу, – дрогнувшим голосом проговорила Кристина.

– Владимир Яковлевич, может, будете более конкретны? В чем именно вы подозреваете Яснову? Иначе, извините, кошки-мышки какие-то получаются, – вмешался Павлов.

– Хорошо, Артемий Андреевич. Я немного освежу вашу память, гражданка Яснова. 25 июня 2001 года в расположенном неподалеку от Новосибирска дачном поселке Каменское были убиты двенадцать человек. Среди убитых – Игнатов, он же Кнут. Были убиты члены его семьи, а также совершенно посторонние люди, в том числе женщины и один тринадцатилетний подросток. Преступление было совершено с особой жестокостью – расстреляв несколько обойм, убийцы добивали жертв с помощью ножа. – Милещенко замолчал, выжидающе глядя на Кристину, но та только испуганно смотрела на Павлова, словно ища у него защиты. – Им перере-

зали глотки, – добавил Владимир Яковлевич проникновенно, будто сообщал пикантную подробность. – Как баранам на бойне. Не пожалели даже парализованную мать Кнута, ее так и нашли бездыханной в инвалидной коляске...

– Да, это было громкое дело, – проговорил Артем после небольшой паузы. – И в прессе об этом много писали. Насколько мне известно, убийцы по этому делу были найдены и привлечены к ответственности.

– Вы совершенно правы, господин адвокат, – краем рта улыбнулся следователь. – Вот только не всем лицам, причастным к этому зверскому убийству, пришлось понести заслуженное наказание.

– Что вы имеете в виду? – чувствуя неладное, спросила Кристина.

Милещенко наклонился вперед, и она непроизвольно отпрянула назад.

– У меня есть все основания полагать, Кристина Владимировна, что вы имели самое непосредственное отношение к происходившим событиям. Иными словами, я подозреваю вас в соучастии при совершении этих убийств.

В воздухе повисла липкая пауза. Было только слышно, как тихо потрескивают флуоресцентные лампы.

– Это что, неудачная шутка? – хрипло спросила Кристина.

– Отнюдь. Я не для того сижу в этом кабинете, чтобы изображать клоуна и веселить вам подобных, – резко ответил Милещенко.

– Вы сошли с ума, – прошептала женщина.

– Держите себя в руках, Яснова!

– Позвольте узнать, на чем базируется ваша уверенность? – задал вопрос Павлов. Он ровным счетом ничего не понимал и все еще надеялся, что все происходящее не что иное, как чудовищное недоразумение.

– Все очень просто, – ответил Милещенко немного устало, будто этот допрос ему самому порядком надоел. – На месте преступления был найден нож. На нем – кровь убитых, а на рукоятке были обнаружены отпечатки пальцев. И они принадлежат вам, уважаемая Кристина Владимировна!

Яснова затравленно смотрела на следователя, съежившись на стуле.

– Это... это какая-то ошибка, – выдавила она из себя.

– Ошибок быть не может. Отпечатки, выявленные на этом ноже, были внесены в архивную дактилоскопическую базу. Мне известно, что на ваш клуб было совершено нападение, и в результате потасовки нападающий погиб. Кстати, еще вопрос, в результате чего наступила его смерть.

– Это разве ваша компетенция, Владимир Яковлевич? – не выдержал Павлов. – Простите, но давайте отделять зерна от плевел!

– Иными словами, не лезьте не в свое дело? – усмехнулся Милещенко. – Ладно. Объясняю для особо одаренных. Снятые у Ясновой отпечатки по этому делу запустили в проверку. Это обычная формальность, и никто не мог подумать, что

«пальчики» преуспевающей бизнесвумен стопроцентно совпадут с «пальчиками», которые засветились на оружии убийства в далеком Новосибирске. Вот, собственно, и все.

– Я бы хотел взглянуть на результаты экспертизы, – сказал Артем. – И, кстати, где сам нож?

– Нож в наличии, господин Павлов. Подозреваю, что вы надеялись, будто его уничтожили, как и все остальные вещдоки? Довожу до вашего сведения, что по этому ножу следствием было выделено отдельное производство в рамках основного уголовного дела.

– Где нож? – повторил вопрос Павлов.

– Я предъявлю его вам в самое ближайшее время. Кристина Владимировна, у вас есть что сказать по сути?

«Как на приговоре», – подумалось Артему. Кристина молчала, взгляд у нее был отсутствующий, словно она перестала ориентироваться во времени и пространстве.

– Так и запишем – от дачи показаний отказалась, – проговорил Милещенко, набирая на клавиатуре текст.

– Стоп! – возразил Павлов. – Не стоит торопиться. Вы же видите, в каком состоянии она находится! У нее психологический стресс, вызванный, кстати, вашими усилиями! Или вы хотите, чтобы после пятичасового пребывания под стражей, в полном неведении перед будущим, она вспомнила все вплоть до минуты?

– Опять вы за свое, – фыркнул Милещенко.

– Кристина Владимировна не отказывается от дачи пока-

заний, она лишь не согласна с вашими обвинениями. Так ведь?

Я снова нерешительно кивнула.

– Без разницы, – пробурчал следователь. Он распечатал на принтере протокол допроса, перечитал его и передал Кристине. При этом адвокат не мог не заметить выражения самодовольства на его лице.

– Складывается впечатление, что происходящее доставляет вам огромное моральное наслаждение, – заметил Павлов.

– Ваши домыслы об эстетической стороне дела оставьте при себе, – лениво отозвался Милещенко, нажал на кнопку и по громкой связи вызвал в кабинет конвой. – Все верно? – спросил он у Кристины, когда она дочитала протокол. – Тогда пишите: «С моих слов записано верно, замечаний и дополнений не имеется». Подпись не забудьте поставить.

Я снова расписалась на протоколе и дрожащей рукой вернула его следователю.

Павлову стоило огромного труда посмотреть в глаза Кристине. Они блестели от слез.

– Ваш автограф, господин Павлов, – сказал Милещенко, протягивая адвокату протокол.

– Я завтра приду к тебе, – пообещал Артем, поворачиваясь к Кристине.

– Артем!

Милещенко перевел взгляд с Ясновой на адвоката и понятиливо поджал губы.

В дверь постучали, и Кристина закрыла лицо руками.

Аня

Девочка спала, и ей снился странный сон. В последние дни она почти каждую ночь видела сны, но этот был особенным. Во-первых, он снова напомнил ей о том незабываемом дне. Во-вторых, сон был как никогда реалистичным – ей чудилось, что она ощущает запахи, ее кожа чувствует легкий ветерок, ласково треплющий ее русые волосы, а яркое солнце заставляет жмуриться...

Она была снова в своей семье и была счастлива видеть лица мамы и папы. Только почему-то ничего не могла сказать, и это очень тревожило девочку. Она открывала рот, но ни единого слова у нее не вырывалось. Впрочем, это не сильно беспокоило родных и близких – они понимали ее и без слов.

Она смотрит в окно, чувствуя, как усиливается ветер и небо заволакивает свинцовыми тучами, набухшими от влаги. Отец зовет ее, говоря, чтобы она убрала за собой игрушки – иначе их намочит дождь. Она бежит вниз по ступенькам, и в этот момент кто-то стучит в ворота.

Отец и мать смеются. «Это наши друзья, они просто опоздали», – говорит папа, но девочку внезапно охватывает дикий приступ паники – шестое чувство подсказывает ей, что тот, кто притаился за дверью, вовсе не хороший и желает ей зла. Она жестикулирует, давая понять, что дверь нельзя открывать, но родители не обращают на ее мольбы внимания.

Дверь открывается, и в этот момент сверху обрушивается ливневый шквал. Тем не менее она не уходит и, замерев на месте, смотрит, как к их дому несется... громадный паук. Быстро перебирая толстыми мохнатыми ногами, он семенит прямо к ним. Отец пытается загородить маму, но монстр перекусывает ему шею и бежит дальше. Голова папы странно свисает, как надломленный подсолнух.

Девочка беззвучно кричит от ужаса. Она пытается бежать, но ее ноги словно вросли в землю. Паук расправляется с мамой и теперь несется к ней. Она падает на колени, моля о пощаде. Паук хрипит, и девочка вдруг понимает, что у этого паука человеческое лицо! Вот только глаза сверкают красным, будто внутри этой ужасной головы бушует огонь. Она протягивает вперед руки в попытке защититься, одновременно понимая, что это лицо ей знакомо и оно будет потом преследовать ее всю оставшуюся жизнь...

Своим криком она разбудила девочек по палате.

– Эй! – позвала ее Ира, высокая девочка с уже сформировавшейся грудью. – Аня, что случилось?!

Девочка рыдала, закрыв рот одеялом, и слезы чертили мокрые дорожки по ее щекам.

– Надо позвать нянечку, – авторитетно заявила Мила, кудрявая толстушка. – Софью Сергеевну.

Однако, когда няня зашла в палату, девочка уже успокоилась. Она никогда не стала бы рассказывать о своих снах кому бы то ни было.

Но шила в мешке не утаишь, и об этом случае вскоре стало известно заведующей, после чего Тамара Иннокентьевна вызвала девочку к себе.

– Аня, я очень волнуюсь за тебя, – сказала она. – Меня беспокоит твое здоровье.

«У меня все хорошо, как всегда», – написала Аня в блокноте.

– Нет, не как всегда, – покачала головой Тамара Иннокентьевна. – В последнюю неделю ты стала намного хуже себя чувствовать. И я считаю, что это связано с твоими внутренними переживаниями. Я видела, ты рисуешь, но твои рисунки вызывают массу вопросов. Вот, Софья Сергеевна мне принесла. – С этими словами заведующая вытащила из ящика стола листки и положила их перед воспитанницей. Аня бросила на бумагу безразличный взгляд. – Ты могла бы объяснить, что это?

На одном рисунке была изображена церковь и плачущие люди. На другом – ангел в небе, сложивший ладони в молитве, в глазах у него тоже стояли слезы.

«Зачем она взяла без спросу мои рисунки? И это не ее дело, как и что я рисую», – написала Аня. Она начала волноваться и из-за этого делала много помарок и исправлений.

– Пожалуйста, не надо переживать, – мягко произнесла Тамара Иннокентьевна. Она погладила девочку по голове, но заметила, что той неприятно и она разрешает прикасаться к себе лишь из вежливости. – А ты что-нибудь слышала о Ра-

исе Вячеславовне? – вздохнула заведующая. – Ее фамилия Дерябина, она волонтер, работает в благотворительной организации в Домодедове.

Аня отрицательно покачала головой.

«Странно», – подумала про себя Тамара Иннокентьевна, а вслух продолжила:

– Понимаешь, она разыскивала тебя. Но когда я сообщила, что ты находишься у нас, она просто поблагодарила и повесила трубку.

«Я ничего об этом не знаю», – нацарапала на листке Аня, и почерк на этот раз был намного уверенней.

– Ладно, иди.

Девочка закрыла за собой дверь, а заведующая нахмурилась. Когда с ней связалась коллега из домодедовского интерната, Тамара Иннокентьевна почему-то решила, что у Ани отыскались родственники, и уже хотела было обрадоваться, но Дерябиной просто нужна была информация.

Сведения об этой воспитаннице очень скудные – она была сиротой, а двоюродную тетку, которая опекала девочку до этого, полгода назад свалил инсульт, и Аню определили к ним.

За эти шесть месяцев Тамара Иннокентьевна смогла выяснить об Ане совсем немного. Она не может говорить – раз. Замкнута – два. Одинока – три. Да, еще четвертое – девочка явно что-то скрывает.

Бессонница

Когда Павлов вернулся домой, стояла глубокая ночь.

Квартира показалась ему непривычно пустой и неудобной. Артем разогрел себе чай и сел за ноутбук. Войдя в Интернет, он принялся по крупинке выуживать информацию тех лет.

Спустя час перед ним стала вырисовываться более-менее ясная картина. Он выяснил, что следствие по факту расправы над Игнатовым (Кнудом) и его близкими родственниками контролировал некий Дмитрий Олегович Бугров, который после окончания расследования получил за это повышение по службе. В ходе расследования было установлено, что в массовом убийстве замешана другая преступная группировка. Члены ее были пойманы и привлечены к ответственности. Эту группировку возглавлял некто Одессит. По последним сведениям, он до сих пор жив и отбывает свой срок где-то в Новосибирской области.

Артем скрупулезно выписал все необходимые сведения, после чего посмотрел на часы. Было половина второго ночи, но он все равно рискнул сделать один звонок. Подполковник Федеральной службы исполнения наказаний Салуянин Евгений Никифорович был именно тем человеком, который мог бы ему помочь.

– Артем? – услышал он бодрый голос. – Ты, как всегда, вовремя!

– Судя по твоему голосу, ты не спишь? – осторожно поинтересовался Павлов.

– У меня бессонница, ты же знаешь. Раньше четырех спать не ложусь, так что выкладывай.

– Женя, у меня к тебе огромная просьба. Ты можешь пробить по своим связям ваших клиентов? Я имею в виду, осужденных? Нужно срочно найти некоторых людей.

– Сроки ответа будут зависеть от полноты данных, которыми ты обладаешь, – ответил Евгений. – Чем их больше, тем быстрее узнаешь ответы на свои вопросы.

Артем продиктовал приятелю все, что ему было известно, и при упоминании об Одессите Евгений оживился.

– О-о, да это известная фигура! Он где-то в сибирской зоне за главного, если мне память не изменяет. По другим буду уточнять.

– Я перед тобой в долгу, – сказал адвокат.

– А, ладно, сочтемся.

Павлов повесил трубку, продолжая напряженно думать. Если главарь банды, этот Одессит, до сих пор жив, это уже огромный плюс. Милещенко будет обязан допросить его, а лучше всего – устроить между ним и Кристиной очную ставку, чтобы выяснить все обстоятельства этого дела и расставить точки над «і».

Он еще раз просмотрел свои записи. Бугров. Определенно, эта фамилия ему знакома. Он вдруг вспомнил, как на одном из последних выступлений министра внутренних дел

отчитывался его заместитель со схожей фамилией. Или это просто совпадение?

Поиск в Интернете подтвердил его догадку.

«Значит, Дмитрия Олеговича после Новосибирска сразу в Москву позвали? Быстрый скачок по службе», – подумал Артем.

Внимательно прочитав краткую биографию Бугрова, Павлов откинулся на стуле.

Ни для кого не было секретом, что МВД и Следственный комитет, эти два громадных колосса правоохранительной российской системы, находились в состоянии перманентного противостояния. И при любой появившейся возможности каждый из них не упускал возможности нанести противнику удар, не особенно стесняясь при этом в выборе средств для достижения своих целей. А главной целью каждого из них было максимальное расширение компетенции и доминирующее положение среди остальных участников системы.

Может, это реанимированное уголовное дело прошлых лет как раз и есть очередной повод уколоть МВД? Ведь, несмотря на то что следствие формально вела прокуратура, оперативное сопровождение осуществлялось органами внутренних дел. Павлов слышал в прессе, что после образования Следственного комитета тот всерьез занялся проверкой старых материалов, годами пылившихся в архиве, конечно, за исключением тех, по которым уже истекли сроки давности.

Он вдруг подумал о том, что, если бы у Кристины не взяли в тот вечер отпечатки пальцев, ничего бы этого не случилось.

Его мысли снова вернулись к треклятому ножу, который, если быть откровенным, не выходил у него из головы. Как он ни пытался найти удобоваримое объяснение этим отпечаткам на рукоятке ножа, так и не смог. Оставалось ждать, когда Милещенко предъявит им этот нож, но еще больше Артем рассчитывал на содействие Кристины. У него не было оснований не верить ей, и он очень надеялся, что их следующая беседа будет намного продуктивней.

Уснул Артем лишь около пяти утра, а в семь был снова на ногах. И его планы, которые он строил буквально несколько часов назад, поменялись кардинальным образом.

Генерал

Еще вчера вечером Артем был преисполнен решимости спозаранку ехать к Кристине, а утром, отбросив в сторону эмоции, мыслил уже совершенно по-другому, теперь главное – нанести визит Бугрову. Что-то подсказывало адвокату, что линию защиты нужно выстраивать, начиная с этой фигуры.

Узнав номер приемной замминистра, он связался с секретаршей и договорился о встрече. Генералмайор Бугров не скрывал своего удивления, узнав о предстоящем визите адвоката, но предупредил, что времени на беседу у него будет крайне мало.

В назначенный час Павлов был у дверей кабинета, и секретарша, миловидная девушка лет двадцати пяти, вежливо предложила ему пройти.

– Доброе утро, Дмитрий Олегович. Прошу прощения за столь ранний визит и за нарушение личных планов.

– Приветствую вас, Артемий Андреевич, – поздоровался с адвокатом Бугров. У него был властный голос человека, привыкшего к беспрекословному подчинению, да и внешность замминистра была под стать – шкафообразные плечи, массивный волевой подбородок, решительный, бескомпромиссный взгляд. – Ерунда, вы мне не помешали. Вот уж никак не думал, что судьба нас сведет... Чем обязан?

– Позвольте присесть?

– Да, разумеется, простите. Чаю? – предложил генерал.

– Было бы неплохо, – не стал отказываться Артем. – Дмитрий Олегович, если вы не против, перейду к делу, которое привело меня сюда.

– Я вас слушаю.

– Мне известно, что в 2001 году вы возглавляли следственную группу, занимавшуюся расследованием резонансного дела по факту убийства семьи Игнатова по кличке Кнут. Думаю, вам не нужно напоминать, что он был лидером организованной преступной группировки под названием «филины», которая в свое время держала в страхе весь Новосибирск.

На лице замминистра не дрогнул ни один мускул.

– Что же вас заставило ворошить это старье, господин адвокат? – спокойно поинтересовался он. – Да, безусловно, я помню это дело.

– Дело в том, что я представляю интересы человека, которого подозревают в причастности к этому преступлению, – неторопливо начал Артем. – На этом основании считаю, что вы, имевший к данному делу самое непосредственное отношение, обладаете наиболее достоверной и полной информацией.

– Что же вас конкретно интересует? – задал вопрос Бугров. – Спрашивайте, но не забывайте делать скидку на годы. Как-никак, десять лет миновало.

– У меня не было возможности подробно ознакомиться с материалами уголовного дела, поэтому был бы вам весьма признателен, если услышу от первоисточника правду о тех, кто совершил это убийство.

– Если быть откровенным, какой-либо особой моей заслуги в этой истории нет, – вздохнул генерал. – Кнут – известный в своих кругах преступный авторитет, вор-рецидивист, чьими руками было организовано крупное бандитское сообщество. Они занимались всем – начиная от взимания «налогов» с местных коммерсантов и заканчивая распространением наркотиков и поставкой оружия. Следует заметить, что у них были серьезные конкуренты – «шипы».

– Одессит – один из них? – спросил Павлов.

В кабинет, стуча каблучками, вошла секретарша, неся поднос с чаем, пирожными и конфетами. Поставила его на журнальный столик и, приветливо улыбнувшись, удалилась. Генерал снова заговорил:

– Вы правы, Одессит был их лидером. Но «шипы» оказались слабее и все чаще проигрывали «филинам», они продолжали действовать методами «лихих 90-х» – налеты на торговые палатки, утюги на живот и так далее. «Филины» же пытались найти общий язык с действующей властью. Им удалось отбить часть бизнеса у «шипов», попутно уничтожая их поодиночке, как крыс. Причем все выглядело как несчастные случаи. Если где-то и срабатывали грубо – никто на это внимания не обращал. Поймите, Артемий Андреевич, в те

времена средства борьбы с этой преступной шушерой были соразмерными – кто стал бы поднимать шум по поводу истинных причин гибели подобной мрази?

Павлов промолчал, а Бугров продолжал:

– В какой-то момент казалось, что «шипы» обескровлены, все свои шипы, извините за каламбур, пообломали. Но Кнут недооценил Одессита. Летом 2001 года тот нанес решающий удар. В разных местах одновременно были убиты первые люди «филинов», а сам Кнут уничтожен в собственном доме. Один из исполнителей убийства погиб в перестрелке, второго нашли застреленным в затылок. Позже было установлено, что этот заказ сделан Одесситом, он же и расправился с одним из выживших исполнителей.

Артем сделал глоток чая. Он был обжигающе горячим и очень вкусным.

– Вот и все, – развел руками Дмитрий Олегович. – Найти причастных к этой расправе было делом техники, а судьбу оставшихся в живых «шипов» решал суд.

– Собственно, все, что вы рассказали, имеется в свободном доступе, это и так всем известно, – заметил Павлов.

На губах Дмитрия Олеговича заиграла язвительная усмешка.

– Вы желаете, чтобы я посвятил вас в нюансы оперативной работы, господин адвокат? Или рассказал об агентурных сотрудниках, с помощью которых нам удалось раскрыть это преступление? Вы же понимаете, что это информация огра-

ниченного доступа.

– Упаси боже! – отмахнулся Павлов. – Не надо мне никаких секретов по этой части... Дмитрий Олегович, вы, должно быть, помните, что на месте преступления был обнаружен нож с отпечатками пальцев, которые не удалось идентифицировать? – задал он вопрос, чувствуя, что наступил решающий момент.

– Вы правы. Экспертиза оружия, как и все остальные исследования, учитывая масштабы деятельности банды, проводилась в Москве, – ответил Бугров. – И я в курсе, что отпечатки на ноже не совпали ни с одними из отпечатков пальцев тех, кто имел отношение к этому преступлению. Это касается и убитых родственников Кнута. А почему вас так интересует нож?

– На его рукоятке были обнаружены «пальцы» моего подзащитного, – сообщил Артем, и его цепкий взгляд тут же подметил, как на бесстрастном лице генерала заиграли желваки. – Поэтому я здесь, Дмитрий Олегович.

– Кто ваш подзащитный?

– Вам действительно это интересно?

– Бросьте, Артемий Андреевич! Учитывая ситуацию – конечно, да.

– Ее зовут Кристина Яснова, и она сейчас находится под стражей.

Бугров положил свои громадные руки перед собой и, глядя в упор на адвоката, сказал:

– Я не слышал о такой. Может, эта женщина каким-то образом и связана с теми событиями. Может, она поменяла имя. Но мне ничего об этом не известно. Все те, кто оказался связан с «шипами», были пойманы и осуждены. Женщин среди них не было.

– Понятно, – резюмировал Артем, поднимаясь с кресла. – Большое спасибо, что уделили мне время.

– Скажите... кто следователь по этому делу? Ну, кто инициировал возобновление следствия? – поинтересовался генерал.

– Милещенко Владимир Яковлевич, заместитель начальника одного из управлений Следственного комитета, – ответил адвокат. Он положил на стол свою визитку: – Дмитрий Олегович, буду премного благодарен, если вы все-таки вспомните какую-либо деталь по этому делу. Пожалуйста.

– Да, конечно, – отозвался Бугров, машинально забирая визитку. – Вас проводят к выходу...

– Не стоит, – улыбнулся Артем.

Воля

– Фролов! – пролаял в «кормушку» простуженный голос.

Фрол спустил ноги с нар и сунул ступни в тапочки. Железная дверь с лязгом отворилась.

– С вещами на выход! – скомандовал появившийся в дверном проеме упитанный прапорщик. Он небрежно помахивал увесистой связкой ключей и с презрением глядел на замерших зэков.

– Ну, Фрол, в добрый путь! – хрипло произнес Седой, с огромным трудом слезая вниз, и легонько пнул вора необутой ногой. – Чтоб обратно не возвращался! Чай, большой уже, на воле дел, поди, скопилось целый воз!

– Братва, удачи всем! – махнул рукой зэк и вышел наружу.

Когда все формальности были улажены и заместитель начальника ИТК торжественно произнес напутственную речь о непростой роли исправительных учреждений в процессе перевоспитания лиц, сбившихся с правильного пути, Фрол не выдержал и расхохотался. Капитан побагровел и приказал гнать Фрола в шею, пригрозив при очередном появлении здесь спустить с него три шкуры.

У ворот его уже встречали не менее пятнадцати человек. Все хорошо и со вкусом одеты, на массивных шеях толстые цепи, поблескивающие золотом, и принадлежность этих людей к уголовному миру выдавали лишь тяжелые, сверлящие

взгляды да синие «перстни», в изобилии наколотые на пальцах.

Сима, долговязый уголовник, сам только недавно освободившийся, тут же поднес Фролу граненый стакан с ледяной водкой и на закуску – черный хлеб с крупным куском сала.

– Куда? – только и успел спросить Фрол.

– Для начала в баньку. Кореец обещал хороших девчонок подсуетить. Потом в «Метеорит», он сегодня наш до самого утра, – сообщил Шнобель, получивший эту кличку из-за сломанного в драке носа.

Баня вышла отменная, попарились на славу. Чуть позже приехал Кореец в сопровождении молодых девушек в мини-юбках, раскрашенных как матрешки. Тут же скинув с себя одежду, они гурьбой повалили в парилку и принялись с визгом и смехом нахлестывать душистыми вениками татуированные тела уголовников. Фрол вскрикивал и крякал от удовольствия, после чего надолго уединился с сочной брюнеткой в комнате отдыха.

После бани вся компания поехала в ресторан «Метеорит», считавшийся самым фешенебельным заведением в этом районе. Водка, коньяк лились рекой, официанты не успевали подносить очередные блюда, как тут же заказывались новые. Директор ресторана вымученно улыбался, глядя со стороны происходящую вакханалию – если бы не увесистая пачка денег, предусмотрительно переданная ему одним из организаторов этого застолья в качестве аванса, он давно вызвал бы

полицию.

Ближе к полуночи больше половины братвы разъехалось. Наконец за столом остались сидеть трое – Фрол, Сима и Шнобель. Наевшись и напившись, они развалились на диване и, закурив, лениво перебрасывались фразами.

– Что думаешь делать-то, Фрол? – словно между делом спросил Шнобель. – Времена сейчас другие, сам знаешь. Оглядеться нужно, присмотреться...

– У меня дело одно есть, – сказал бывший зэк и тут же поправился: – Даже два.

Шнобель и Сима переглянулись.

– Слыхали про одно из них, – протянул Сима, выпуская дым. – Если ты про свое слово, что на сходке дал.

– Да и второе не секрет, – кивнул Фрол. – Есть в Москве человек один. Очень найти его хочу.

– Уж не родню ли решил поискать? – любопытно спросил Шнобель. Он стряхнул пепел с сигареты щелчком ногтя и сквозь дым посмотрел на друга.

– Вроде того. Давно мыслил об этом, а тут пацан один выручил, вместе срок мотали, – пояснил Фрол. – Хочу свидеться с человеком. Кроме него, никого из близких не осталось.

– А что насчет Одессита? – задал вопрос Сима, выпуская несколько колечек дыма и с интересом наблюдая, как они растворяются в воздухе.

– Одессит тут не при делах, – сурово отрезал Фрол, – его самого подставили.

Сима бросил короткий взгляд на Шнобеля, продолжавшего дымить с невозмутимым видом, и медленно, с расстановкой, произнес:

– Это уже интересно. Мы-то думали, ты на Одессита когти точишь... поэтому и не трогали его. Даже вся шакровская зона в теме, что вот-вот откинешься, поэтому и волосинки с его плешивого «чайника» не трогали.

– Это не он. «Шипы» тут вообще побоку, – глухо проговорил Фрол. – Одессит сам терпила, его мусора под статью подвели. Мне Бугор нужен. Это он, сука, все подстроил.

– Я тебе признаюсь, брат, что и сам так мыслю, – вдруг сказал Сима. – Не хотели твои душевные раны тревожить. Все знают, что Кнута и его родню порешили по мусорской подлянке.

Некоторое время зэки молчали, каждый погрузился в свои мысли. Два официанта боязливо наблюдали за ними, втайне мечтая, чтобы эти мрачные типы наконец убрались из ресторана.

– Значит, в Москву поедешь? – нарушил молчание Шнобель, и Фрол кивнул.

– Стремно, Фрол, – вполголоса заметил Сима. – Нет сейчас у нас такой поддержки, как ранее.

Каждый сам за себя. Это мы еще тут одной бригадой держимся... А тех московских легавых шишек будь здоров какие «рексы» охраняют...

– Я дал слово, – упрямо проговорил Фрол. – Найду Ньюшу,

а уж потом...

– Может, ты для нее тоже один остался? И ты ей нужен как никогда! А сам под пули полезешь, пораскинь мозгами! – вспыхнул Шнобель.

– Мне нужны бабки, Сима. Подсобишь мою хатку старенькую толкнуть? У меня времени в обрез, самому некогда, – покачав головой, объяснил Фрол.

– О чем базар, – ответил Сима, туша сигарету, а Шнобель пристально посмотрел на зэка – не нравилось ему поведение друга.

– Ты, Фрол, чего-то темнишь. Зачем хату продавать? Где сам-то будешь гужеваться? Мы тебе лучше из общака выделим! У меня в столице связи с солнцевской бригадой имеются, они подсобят, если что!

Фрол поднялся, стряхнул с новой рубашки (братва после бани подарила) невидимые соринки.

– От души, пацаны! Общак не трожьте, это святое. Ну и вообще, за сегодня особое вам... Уважили, – произнес он и вразвалочку пошел к выходу.

– Ох, что-то Фрол мне не нравится, – пробормотал Сима.

– Я так мыслю, что он себя в камикадзе готовит, – в тон ему высказался Шнобель. – Словно в последний путь...

– Если он от своего не отступится, крышка ему. Легавые не дадут и на сто метров к Бугру подойти. Этого ментяру гнилого тут даже на днях по «ящику» показывали. Ряху отожрал – аж в телевизор не помещается!

– Ладно, пора по углам. Ты насчет хаты Фрола не забудь, –
напомнил Шнобель, и они тоже поднялись.

Вечер был окончен.

Свидание

После визита к Бугрову Павлов направился к Милещенко, и тот продемонстрировал адвокату нож, на котором оказались отпечатки пальцев Кристины. Удивлению Павлова не было предела: он знал, им убивали людей, и ожидал увидеть перед собой как минимум какой-нибудь охотничий нож внушительных размеров, а это оказался обыкновенный столовый нож с легко гнущимся лезвием. Даже школьник, приложив небольшие усилия, мог бы сломать его пополам.

Затем Артем поехал в СИЗО, к Кристине. С собой у него был целый пакет различных вещей, которым люди порою не придают значения в обыденной жизни, но именно в местах лишения свободы этой неприглядной мелочовкой «сидельцы» начинают внезапно дорожить и ценить ее по достоинству.

Артем уселся на привинченный к полу табурет и стал раскладывать перед собой бумаги. Он думал о предстоящей встрече с Кристиной, но мысли его, как назло, возвращались к недавнему разговору с Бугровым.

Павлов не сомневался, что генерал не был с ним откровенен. И, что самое главное, замминистра явно чего-то боялся, цепкий взгляд адвоката определил это по глазам Бугрова, в которых на тысячные доли секунды мелькнул не то чтобы страх, а нечто вроде мимолетной тревоги.

В коридоре послышались торопливые шаги, и спустя пару секунд конвоир бесцеремонно втолкнул в комнату Кристину.

– Привет, – тихо произнесла она, убирая со лба волосы.

Павлов молча смотрел на нее. Несмотря на сложившуюся ситуацию, держалась она молодцом. Немного лицо осунулось, и легкие тени под глазами появились – и все.

– Как ты? – присаживаясь, спросила Кристина.

– Этот вопрос я должен задать в первую очередь тебе, – попробовал улыбнуться Артем, но улыбка осталась без ответа.

– Ты мне снился, – проговорила женщина.

– Гм... Кристина, у нас очень мало времени...

– Мало времени? Ха! Тема, что ты знаешь о времени! – воскликнула она, и глаза ее заблестели. – Знаешь, я поняла одно – каждому из нас нужно хотя бы сутки пробыть в заточении. Поверь, отношение к жизни меняется на все триста шестьдесят градусов!

– К твоему сведению, в свое время я имел удовольствие «отдохнуть» в СИЗО, – сухо ответил Артем. – Если ты не против, перейдем к делу.

– Давай, – согласилась Кристина.

– Объясни, откуда взялись твои отпечатки на этом ноже? Я снова сцепила в замок свои тонкие изящные пальцы.

– Опять ты за свое. Павлов, я же говорю, я понятия не имею, откуда взялся этот несчастный нож, да еще с моими

отпечатками! И есть ли он вообще! Ведь прошло десять лет! Ты ведь знаешь, что я картошку толком чистить не умею, порежусь обязательно!

– Нам нужно обеспечить тебе алиби, – сказал Артем.

– Каким образом, позволь полюбопытствовать?

– Я хочу знать, где ты была 25 июня 2001 года. Конкретно – с часу до пяти вечера. Понимаю, что ставлю перед тобой сложный вопрос, но нам нужно хоть какое-то алиби.

– Артем, не издевайся надо мной. Я не помню, что было неделю назад, а ты хочешь, чтобы я тебе сообщила события десятилетней давности?!

– И все равно я вынужден повторить свой вопрос. Иначе мы проиграем в суде, Кристи!

Из груди женщины вырвался вздох.

– Какой это был день недели? – спросила она.

– Пятница.

– Если у меня не было отпуска, я работала.

– В пиццерии?

– Да. Забегаловка та еще, я тебе рассказывала... Платили копейки, и пицца у них была похожа на подметку от ботинка, но выбирать мне особенно не приходилось. – Она задумалась, уставившись в сторону зарешеченного окошка. – Отпуск у меня был всего два раза, в конце лета и под Новый год, это я точно помню. Значит, в ту пятницу я была на работе.

– Диктуй название и адрес, – сказал Павлов. Записав данные, он спросил:

– Ты знаешь Бугрова? Дмитрия Бугрова? Он возглавлял следственную группу по расследованию этого преступления.

Кристина продолжала смотреть на него с непроницаемым лицом.

– Конечно, я слышала о нем. Да об этом все местные газеты писали, когда каких-то бандитов арестовали. Его по телевизору показывали чаще, чем нашего президента.

– То есть лично с ним ты не знакома?

– Почему ты спрашиваешь?

– Я был сегодня у него. И мне кажется, он что-то скрывает. Что-то такое, что имеет отношение к тебе, Кристи.

На губах Ясновой появилась печальная улыбка.

– Тема, вместо того чтобы вытащить меня из этой вонючей дыры, ты лезешь ко мне в душу. Приплел какого-то Бугрова, и вообще...

– Прекрати! – резко оборвал ее Павлов, и Кристина изумленно уставилась на него, после чего глаза ее наполнились слезами.

– Извини, – произнес Артем. – Пойми и ты меня. Послушай, Кристи, мы топчемся на одном месте. Через сутки будет суд, и если мы ничего не накопаем против следствия, тебе предъявят обвинение в соучастии в убийстве в полном комплекте – с особой жестокостью, группой лиц, по предварительному сговору и так далее. Дай мне адреса или телефоны своих подруг или кого-нибудь, кто тебя знал, это значительно облегчит нашу работу. Чем больше людей, что-то знаю-

щих о тебе, тем лучше – в той или иной степени мы обеспечим тебе отличную характеристику, а возможно, и алиби.

– У меня нет родственников, – сказала Кристина. – И, по моему, я тебе об этом говорила. Я воспитывалась в детском доме.

– Ладно. Кто из знакомых у тебя остался в Новосибирске?

– Думаю, что сейчас никого. Нас распустили еще в 1994 году, и я почти ни с кем не поддерживала отношения. К тому времени, когда я уезжала из Новосибирска, больше половины моих однокашников разъехались, а некоторые уже умерли.

– Но десять лет – это не вечность, Кристи! – воскликнул Павлов. – Неужели там никого не осталось, кого бы ты знала?! Ты же там работала, училась!

– Да, я окончила социально-педагогический институт, заочное отделение. Но, допустим, ты найдешь какого-нибудь профессора, у которого феноменальная память, и он вспомнит меня даже спустя десять лет (и это принимая во внимание, что я училась заочно!). Что он тебе скажет? Что я носила короткую юбку и курила у ворот института?

– А твоя работа? – не успокаивался Павлов.

– Ты о пиццерии? – хмыкнула Яснова. – Тема, я даже не знаю, существует ли она или ее снесли на фиг!

– Кристи, успокойся.

– Разве за эти преступления нет никакого... как это – срока давности? – всхлипнула она.

– Есть. За особо тяжкие преступления срок давности по Уголовному кодексу составляет пятнадцать лет.

Кристина подавленно молчала, пытаясь переварить свалившуюся на нее информацию, а Павлов продолжил:

– Я узнал, что по этому делу в живых остался лишь один человек, он сейчас отбывает срок там же, где-то в Новосибирской области. Его кличка Одессит. И я собираюсь выйти с ходатайством о проведении очной ставки между ним и тобой. Милещенко будет обязан удовлетворить мое ходатайство, поскольку это требование закона, и в сложившейся ситуации очная ставка или допрос Одессита – большой козырь для нас. Когда Одессит скажет, что не знает тебя, перевес будет в нашу пользу.

– А вдруг не скажет? – спросила Кристина.

– Что?! – переспросил Павлов, резко повернувшись к ней.

– Тема, мне страшно, – опустила голову Яснова. – Мне кажется, если у нас с этим уголовником произойдет очная ставка, мне будет только хуже. Не злись на меня, пожалуйста. – И она, не выдержав, заплакала.

– Я ничего не понимаю. Объясни, что происходит!

– Господи, я так мечтала, чтобы это все закончилось! – сквозь слезы проговорила Кристина. – Сколько раз я молилась, чтобы та жизнь осталась за стеной и больше мне ничего не напоминало о прошлом!

– Кристи, успокойся. Посмотри на меня, пожалуйста, – попросил Артем, протягивая ей платок.

– Я знала Бугрова, – вытирая лицо, произнесла Кристина. – Лично.

– Насколько близко? Извини, но я вынужден задать этот вопрос, поскольку в прошлый раз ты скрыла от меня факт вашего знакомства.

– Ты не бросишь меня, Тема?

– Тебе не кажется, что ты бежишь впереди телеги, Кристи?

– Он был моим любовником, – смотря себе под ноги, вздохнула Кристина.

– Так, – проговорил Артем, пытаясь привести в порядок хаотично мечущиеся мысли. – Уже теплее. Что-то еще?

– Не ерничай, Тема, прошу тебя. Теплее, горячее...

– Я тебя слушаю.

– Это было лет тринадцать назад. Мы познакомились случайно, он подвез меня на машине. Я знала, что у него есть семья, но тогда не придавала этому значения, в голове ветер гулял. Бугров помог мне с работой и учебой, и какое-то время мы были с ним близки. Он знал, что я из детдома, и всячески опекал меня. Но потом полностью ушел в работу, и наши встречи становились все реже и реже.

В конце концов я дала ему понять, что между нами все кончено. Дмитрий не хотел воспринимать мои слова всерьез, менты – они все такие, – жалко усмехнулась она. – Куда выгоднее чувствовать, что ты первым выступил инициатором разрыва отношений.

Но тем не менее он помог мне устроиться в Москве и предоставил, так сказать, стартовый капитал, при этом постоянно говорил, что я ему ничего не должна. Я обустроила свой бизнес и потихоньку начала работать с «Олимпом», потому что спорт – это мое. Я выплатила ему все деньги, которые он мне давал, даже с процентами. Но даже после этого чувствовала, что он затаил на меня злобу и обиду.

– Все равно не вижу связи, – пробормотал Артем.

– Павлов, раскрой глаза! – устало произнесла Кристина. – Я сегодня всю ночь не спала, все думала, думала... и знаешь, пришла к выводу, что в этих бандитских разборках, куда хочет приплести меня следователь, наверняка замешан Бугров! Ты ведь не считаешь, что я как-то связана с этими уголовниками?! Он никогда не посвящал меня в свою работу, но ведь ты адвокат, причем первоклассный! Сам знаешь, на что готовы пойти люди в погонах, чтобы выслужиться перед начальством! А уж отомстить любовницам, которые сами их отвергли, это им раз плюнуть! – Она перевела дух и возбужденно продолжила: – Я понятия не имею, каким образом на этом проклятом ноже оказались отпечатки моих пальцев! Ты видел его?

– Видел. Это обычный нож, используемый при готовке. Официально говоря, хозяйственно-бытового назначения. Но я не понимаю другого. Зачем Бугрову так подставлять тебя? Где логика? – Павлов встал и заходил по комнате. – Этот нож – вещественное доказательство. И, кстати, чужие «паль-

цы» на нем – прежде всего удар по престижу самого Бугрова. То есть человек, оставивший отпечатки, гуляет на свободе. Это брак в его работе, ты что, не понимаешь?

– Артем, этот Одессит – наверняка человек Бугрова! – дрожащим голосом произнесла Кристина. – Я тебе точно говорю! У него там все повязано, хоть он и уехал в Москву! И этот зэк скажет то, что прикажут ему люди Бугрова! Если ты отпустишь меня на эту очную ставку, я вообще оттуда не вернусь! Ты что, не понимаешь этого?!

– Боже, просто какое-то сумасшествие! – пробормотал Павлов. Ему стало жарко, и он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. – И все же. Почему ты мне о нем раньше не говорила? Неужели ты считаешь, что я стал бы попрекать тебя прошлым?

– Я надеялась, что вся эта грязь осталась там, в той половине моей жизни. Прости меня. Тема, ты мне веришь? – прошептала Кристина. – Если нет, то мне вообще нет смысла жить. Ты – самое дорогое, что у меня осталось.

– Мне очень хочется, чтобы все сказанное тобой было правдой.

– Хорошо, давай пойдем другим путем. Скажи, ты ведь можешь заявить следователю о том, что я желаю пройти проверку на детекторе лжи?

– Вполне. От тебя потребуется лишь заявление, – ответил адвокат.

– Так вот, Тема, я прошу, даже нет, настаиваю на этой про-

верке.

– В общем, это, конечно, можно устроить. Только поясни, для каких целей тебе это нужно? Хочешь оправдаться передо мной или оказаться на свободе?

– Честно? Сейчас я не в той ситуации, чтобы сентиментальничать, я просто хочу на волю. И еще хочу, чтобы ты знал: я говорю правду.

– Знаешь, Милещенко тоже может прийти в голову мысль допросить Одессита. Тогда ему достаточно отправить новосибирским коллегам поручение, и через пару дней все будет известно, – заметил Павлов.

Он подошел к ней и поцеловал ее волосы. Несмотря на то что одежда Кристины уже начала постепенно пропитываться запахом камеры, ноздри уловили до боли знакомый и родной аромат любимой женщины.

– Я люблю тебя, – подняв голову, тихо сказала Кристина.

– И я тебя люблю.

Артем отвернулся, чтобы не видеть ее слез, и нажал на кнопку, давая сигнал конвою, что свидание окончено.

Память

Павлов уже давно уехал, но Дмитрий Яковлевич все не мог привести в порядок свои мысли. Он метался по своему просторному кабинету взад-вперед, скрипя зубами, как дикий зверь.

Кристина.

Кристина Яснова.

Память услужливо высветила в его сознании образ этой женщины. Боже, а он-то считал, что все давно сгинуло... Бугров только сейчас отчетливо осознал – все это время он занимался самообманом, и ему только казалось, что все то, что связывало его с Кристиной, он похоронил в самой глубокой шахте забвения, а ключ от этой шахты утерян безвозвратно.

Теперь же этот пронырливый юрист Павлов скovyрнул застарелую рану, заставляя прокручивать в памяти события десятилетней давности.

«Как? Как так получилось?!» – занозой сидел в мозгу единственный вопрос.

Впервые за последние годы генерал находился в полной растерянности и совершенно не представлял, как действовать дальше. Он пытался взять себя в руки, приказывая себе успокоиться и выключить все эмоции, но перед глазами после разговора с известным адвокатом постоянно маячило

улыбающееся лицо Кристины, ее дерзко распахнутые глаза словно бросали вызов, и Бугров отлично помнил, что в свое время только ради одного такого взгляда он бы без промедления ринулся в огонь и в воду.

Его взгляд остановился на высоченном шкафу с сувенирами и сверкающими кубками – все это Бугров в юности выиграл на соревнованиях по стрельбе – и сфокусировался на бутылке коньяка десятилетней выдержки, которую ему презентовали буквально несколько дней назад коллеги, командированные из Дагестана.

Дмитрий Яковлевич уже долгое время был в «завязке», но южные коллеги этого не знали, а обижать их было неудобно. В тот момент он просто подумал, что подарит этот коньяк кому-нибудь. Однако сейчас, облизнув пересохшие губы, он признал, что, как никогда, хочет выпить, и откупорил бутылку.

Наполнив кружку, из которой он обычно пил чай, темно-коричневой пахучей жидкостью, Бугров, поморщившись, опрокинул содержимое в рот. Сразу после этого мысли, устав метаться и успокоившись, выстроились по порядку, словно шеренга солдат.

Милещенко, сучий потрох! Вот с кого нужно начинать.

Воистину, пути господни неисповедимы. Дмитрий Яковлевич долго искал в справочниках нужный телефон и, наконец обнаружив его, вздохнул с облегчением.

Клятва

Подполковник ФСИН Евгений Салуянин позвонил Павлову сразу после того, как тот вышел с территории СИЗО.

– Артем? Привет, не отвлекаю?

– Тебя я всегда рад слышать, Женя. Есть какие-то новости?

– Пробил твоих знакомых, о которых ты вчера говорил, я о «шипях». Как я и думал, из всех, кто сейчас отбывает наказание в зонах, в живых остался только Гоша Вакинский, он же Одессит. Остальные давно на том свете.

– Я, в общем-то, так и предполагал, – отозвался адвокат. – Что ж, будем работать с этим Одесситом.

– В таком случае тебе нужно поторопиться. Мне сообщили, что у него рак обоих легких и ему остались считанные недели. Он все там же, в шакровской колонии. Район Шакрово в Новосибирской области, – уточнил подполковник.

– Понял тебя, – произнес Павлов. – Ты меня здорово выручил, Женя.

– Все нормально, всегда готов помочь.

В трубке раздались короткие гудки, и Артем выключил телефон.

Голова его шла кругом. Он неожиданно вспомнил о словах Кристины насчет детектора лжи.

«А что, это мысль. Только сумасшедший решится на по-

лиграф, зная, что ему есть что скрывать. Значит, Кристина уверена в своей правоте, иначе вряд ли согласилась бы на такой риск. Ведь шанс обмануть детектор лжи практически сведен к нулю».

После того как общая картина стала ясна, Артем недолго думая набрал служебный номер Милещенко.

– Владимир Яковлевич, добрый день, Павлов на связи! Адвокат Ясновой, если забыли.

– Рад вас слышать, – пропыхтел следователь, явно не ожидавший этого звонка. – Как вас забудешь... Что у вас? Осмеюсь предположить, что вы с Ясновой решились на чистосердечное признание и сотрудничество со следствием?

– Вынужден вас огорчить, увы, – ответил адвокат. – Но у меня к вам имеется предложение. Моя подзащитная высказала пожелание о проверке ее показаний на детекторе лжи.

– Еще чего придумали, – проворчал Милещенко. Он помолчал, словно подыскивая аргументированный отказ. – У следствия нет необходимости в проведении подобных исследований.

– Позвольте вам напомнить, если в показаниях участников уголовного процесса имеются противоречия, то, согласно письму прокуратуры Москвы от 2005 года, назначается психофизиологическая экспертиза с применением детектора лжи, – сообщил Артем.

Милещенко никак не отреагировал на слова адвоката.

– Владимир Яковлевич, Яснова *сама* предложила эту экс-

пертизу, – мягко продолжил Павлов. – Подумайте, какой резон ей идти на этот шаг, если она заведомо вам лжет? Поймите, если вы откажете ей в этом, суд встанет на мою сторону, и, уж поверьте, я все равно добьюсь проведения этого исследования.

– Господин адвокат, вам, надеюсь, известно, что результаты полиграфа не могут являться доказательствами в ходе судебного разбирательства? – спросил Милещенко.

– Прямыми, безусловно, нет. А вот в качестве косвенных они вполне могут сыграть свою роль, особенно при выборе окончательного судебного решения. И вы это тоже знаете. Владимир Яковлевич, мне не совсем понятно, что вас смущает. Наконец, давайте начистоту – разве вы что-то теряете от проведения данной проверки?

Милещенко некоторое время недовольно дышал в трубку, потом бросил:

– Пишите ходатайство. От Ясновой – заявление. И еще. Если мне покажется, что предложенная вами контора – всего лишь несерьезная «шарашка» с улицы, пеняйте на себя, вынесу отказ. Я уж молчу про сертификат и право проводить СПФИ².

– Учту, – коротко ответил Павлов, мазнув взглядом по часам. Еще только полдень, а сколько нового он узнал.

Завтра истекают сорок восемь часов, которые отведены органам следствия на сбор доказательств. Если суд сочтет их

² СПФИ – судебное психофизиологическое исследование.

несостоятельными – Кристина уже через несколько часов будет свободна. Если нет...

Артем даже боялся думать об этом. Он вспомнил ее беспомощный взгляд, ее широко раскрытые глаза, мокрые дорожки от слез на щеках и дал себе слово идти до конца, чтобы освободить Кристину.

Между тем его не оставляла другая идея, и, как ни странно, возникновению этой идеи способствовали не очень-то радужные прогнозы в отношении возможного продления срока содержания под стражей Кристины.

Нужно ехать в Новосибирск. И чем больше Павлов думал об этом, тем больше склонялся к мысли, что эта поездка просто необходима. Даже несмотря на то, что с тех пор прошло почти десять лет.

Коллеги

Когда у Милещенко зазвонил телефон, он ожидал услышать голос кого угодно, но только не Бугрова. Однако он узнал бы этот голос и спустя еще пятьдесят лет.

– Владимира Яковлевича будьте любезны, – пророкотал Бугров.

– Я вас внимательно слушаю, Дмитрий Олегович, – поприветствовал следователь генерала, и тот опешил, не ожидая, что его голос узнают через столько времени.

– Судя по твоему голосу, ты ждал моего звонка, – усмеялся Бугров.

– Вполне вероятно. Только давайте, Дмитрий Олегович, придерживаться официального тона. Вы хоть и уважаемый человек, но я больше не являюсь вашим подчиненным.

– Владимир, да брось ты... – хотел отшутиться Бугров, но Милещенко его перебил:

– У вас какое-то дело ко мне? Пожалуйста, я вас слушаю. В противном случае – всего доброго. Лично мне дорого мое время, возможно, не так, как вам.

– Я звоню по поводу Ясновой, – тяжело вздохнул генерал.

– Вот оно что... – протянул Владимир Яковлевич. – Ну и?

– Нам нужно встретиться и обсудить кое-что.

– Я с трудом себе представляю предмет обсуждения, – на-

смешливо заметил полковник. – Разве у нас есть что-то общее, господин Бугров?

– Ты... Вы понимаете, о чем я, – с расстановкой проговорил Дмитрий Олегович, и Милещенко со злорадством отметил, что слова его бывшему патрону даются с невероятным трудом. Понятное дело, не привык чего-то просить, подавай ему все на блюдечке...

– Я буду свободен около восьми вечера, – сказал он, глянув на часы.

– Пораньше никак?

– Нет, – отрубил Владимир Яковлевич. – На Яузской набережной в двадцать ноль ноль, у ресторана «Штиль».

– Договорились, – ответил Бугров.

Встреча

Милещенко намеренно опоздал на пятнадцать минут. Он понимал, что эта мелкая месть с его стороны бывшему шефу не к лицу мужчине, но в силу своего мстительного характера не мог себе отказать лишний раз пнуть ногой лежащего. А сомнений в том, что Бугров уже лежащий и вряд ли поднимется после его нокаута, у полковника не было.

Он проигнорировал протянутую генералом для приветствия руку и сел за столик. Бугров молча убрал руку, сделав вид, что не в обиде, все в порядке вещей. К ним тут же метнулся официант, подобострастно склонив голову в ожидании заказа.

– Выпьем? – предложил Бугров.

– Я за рулем, – сухо ответил Милещенко. – Гранатовый сок, пожалуйста.

– А мне чай. И каких-нибудь пирожных, – попросил генерал.

Официант кивнул и, не скрывая разочарования столь скромным заказом, бесшумно исчез.

– Предлагаю сразу перейти к делу, – начал Милещенко.

– Что ты накопал на Яснову, Володя? – тихим голосом поинтересовался Дмитрий Олегович, и только сейчас Милещенко обратил внимание, что генерал едва сдерживает себя от рвущегося наружу гнева.

– Я? – искренне удивился он. – Лично я ничего не имею против этой женщины, господин Бугров. Жизнь – штука непредсказуемая, и никто не может заранее угадать, какой частью тела фортуна повернется к тебе. Но не мне вам объяснять, что факты – вещь упрямая. И эти факты говорят, что Яснова влипла по самое «не балуйся».

– Какие, на хрен, факты?! – рявкнул генерал.

– Спокойнее, Дмитрий Олегович. На нас уже обращают внимание.

– Где нож?! – не унимался Бугров. – И есть ли он вообще, а? «А был ли мальчик?», Володя?

– Постарайтесь контролировать свои эмоции, Дмитрий Олегович, – холодно проговорил полковник. – Я не намерен тут перед вами отчитываться, а у вас нет полномочий меня допрашивать. Между прочим, откуда вы узнали про нож? Это конфиденциальная информация. Хотя... – Милещенко театрально хлопнул себя по лбу: – Павлов? Конечно же, как я сразу не понял... Вот шельмец, быстро он на вас вышел!

– Это не твое дело, – процедил генерал. – Да, он был у меня. И что с того?

– По-моему, они с Ясновой любовники, – предположил Милещенко.

Официант принес заказ и принялся расставлять приборы.

Генерал глубоко дышал, напоминая выброшенную на берег рыбу. Он отпил чай, отодвинул назад стул и немного успокоился.

– Вы пришли в себя, господин Бугров? – с деланным участием полюбопытствовал Владимир Яковлевич. – В таком случае вот что я вам скажу. Я снова пока все отрицает, но это не меняет сути дела.

Она будет осуждена и получит свой срок, я вам гарантирую. Параллельно это дело вызовет цепную реакцию, которая напрямую затронет ваши интересы, Дмитрий Олегович.

– При чем здесь я? – спросил Бугров. Он надкусил пирожное и вытер салфеткой капельку крема, оставшуюся на гладко выбритом подбородке. – Ты не сможешь доказать связь между нами. И никто не сможет. Прошло слишком много времени, и никто не будет вникать в то дерьмо, которое ты раскопал, Милещенко. Ну, нашлись какие-то отпечатки. Ну, возбудили новое дело. В итоге посадите девчонку, которая, кстати, совершенно ни в чем не виновата. Я-то здесь при чем?

Владимир Яковлевич внимательно слушал рассуждения генерала, попутно кивая головой с таким видом, словно ему приходится общаться с капризным ребенком. Когда Бугров замолчал, он отпил соку и произнес:

– А теперь выслушайте меня, многоуважаемый Дмитрий Олегович. Как только вся эта информация всплывет наружу, сразу станет ясно, откуда растут ноги. Следственную бригаду по расследованию преступной деятельности банд в Каменском возглавляли вы, и после убийства Кнута контролировали следствие тоже вы. Как так получилось, что вы с триум-

фом заявляете о раскрытии дела, а в это же время эксперты находят на окровавленном ноже левые «пальчики»?! Дело не могло считаться раскрытым, вот так. Только полный идиот из вашего начальства с заплывшими жиром мозгами, который не видит очевидного, мог повесить на ваш китель медаль да еще повесить в должности. Или вы намеренно скрыли этот вещдок?

– Не ты вешал медаль, – сквозь зубы процедил Бугров, – и не ты повышал в должности, поэтому вообще заткнись на эту тему.

– Вынужден напомнить вам, Дмитрий Олегович, что не я настаивал на нашей встрече. Это ВЫ хотели поговорить, а сами теперь грубите. Нехорошо получается. Я продолжу, с вашего разрешения? – невозмутимо спросил Милещенко и после того, как Бугров окинул его испепеляющим взглядом, продолжил: – Конечно, будь вы незнакомы с Ясной, никакой шумихи и не поднялось бы. Но ведь мы оба знаем, Дмитрий Олегович, что это не так. И у меня есть тому доказательства.

Последние слова были произнесены проникновенным тоном, словно друг заверял друга, что тот может положиться на него на все сто, однако от этой фразы генерал вздрогнул, как от удара плетью.

– Что ты сейчас сказал? – хрипло проговорил он. – Я не ослышался, Милещенко?

– Оставим это, ей-богу, – поморщился Владимир Яковле-

вич, – что вы, в самом деле, господин Бугров, как дите малое... Вы что, действительно принимали меня за дурака?

– За дурака – нет, – согласился генерал, – а вот за лентяя, предателя и вора – да. Поэтому и уволил тебя, проходимца. А ты вона, в Следственный комитет подался. Смотрю, неплохо устроился.

– Ну, вы уж совсем загнули, – засмеялся Милещенко. – Между прочим, вы, простите, тоже не у станка всю жизнь стояли. Впрочем, мы отклонились от темы. Вот, полюбуйтесь.

С этими словами полковник вытащил из тоненькой кожаной папки несколько снимков. Было видно, что это отсканированные версии со старых, уже выцветших фотографий. Бугров мельком взглянул на них, и к его лицу прилила краска. На одной он был запечатлен возле машины, рядом с ним стояла эффектная стройная блондинка, и он обнимал ее за талию. На втором изображении он, с этой же женщиной, находился у входа в какое-то невзрачное кафе, при этом также слегка поддерживал женщину за локоть. Другие снимки были примерно аналогичного содержания.

– Узнаете? Кристина Владимировна мало изменилась с тех пор, все так же хороша. Я, кстати, всегда ценил ваш вкус в женщинах, Дмитрий Олегович.

– Откуда они у тебя? – выдохнул генерал.

– Я следил за каждым твоим шагом, Бугров, – жестко произнес Милещенко, сменив тон и тоже перейдя на «ты». – По-

сле того, как ты выбросил меня из управления и наш совместный бизнес закончился, я сказал самому себе, что рано или поздно достану тебя. Как ты думаешь, что я чувствовал, оставшись без работы в то время? Да еще в нашем захолустье?!

– В том, что случилось, Владимир, виноват только ты, – упрямо заявил Бугров. – К тому же – не сгущай краски. Того, что ты наворовал, вполне хватило бы твоим детям при адекватных запросах. Но не с твоими амбициями.

– Ну да, здесь я соглашусь с тобой. Люблю жить красиво и не считаю это преступлением. Но вернемся к фото. Слава богу, я научился хранить информацию, ведь так должен поступать профессиональный оперативник? Ты же сам нас учил этому, помнишь? Кто знает, наступит час, и эти сведения окажутся бесценны... Я следил за тобой, а ты просто в какой-то момент потерял бдительность, и вот результат.

– Эти фотографии ничего не доказывают, – сварливо заметил Бугров, еще раз бросив взгляд на снимки. – Их сейчас можно сделать на любой компьютерной программе...

– Можно, – согласился Милещенко, убирая фотографии обратно в папку. – Это копии, оригиналы у меня в другом месте. В нужный момент я запущу их в дело. И уж поверь, эксперты дадут заключение об их стопроцентной подлинности. Согласись, что, когда наружу всплывет правда о том, что Яснова не просто убийца, а убийца, которая находилась в близких отношениях с начальником ГУВД Новосибирска

Бугровым, – это будет настоящая бомба. Чуешь, чем попахивает, Дмитрий Олегович? Ни на какие мысли не наталкивает? Представляешь, что будет с твоей карьерой и лично с тобой, когда установят, что вы, возможно, действовали заодно?! А я ведь могу и прессу подключить, у меня есть свои каналы.

Генерал поднял голову. За несколько прошедших минут с ним произошли разительные перемены – сейчас он напоминал дряхлого старика.

– Отлично поработал, Володя. Ты что, намекаешь, что это я положил банду Кнута? – с усилием выдавил из себя Бугров.

– Пока не знаю. Но, как говорится, «то ли он украл, то ли у него украли, но что-то там точно произошло»... Хочешь честно, Бугров? – Милещенко доверительно наклонился к своему визави и вполголоса сказал: – Я не верю, что Яснова принимала участие в этой бойне. Там была реальная мясорубка, и она никак не вписывается в этот сценарий. Я видел ее и разговаривал с ней. Да, она спортивная баба, сочная, крепкая, нервишки у нее, правда, пошаливают, но это нормально, когда богатенькую сучку сажают в камеру и вместо омаров с шампанским она вынуждена жрать тюремную баланду.

Я о том, что тогда ей было двадцать четыре года, и я ни за что не поверю, что простая баба, воспитанная в детском доме, в состоянии хладнокровно перерезать глотки женщинам и несовершеннолетнему пацану. Она – не убийца, не ма-

ньячка, но это между нами, старик. Мои домыслы и факты, зафиксированные в установленном законом порядке, – абсолютно разные и несопоставимые вещи. Есть нож, а на нем – ее отпечатки, и это единственное, что имеет значение. Так-то.

– Она действительно не делала этого, – устало проговорил Бугров и обхватил виски ладонями, будто испытывая сильную боль.

– Знаешь, Дима, мне, в общем-то, плевать, она это или не она, – признался Милещенко, допивая сок. – Как плевать и на то, каким образом ее «пальцы» очутились на этом ноже. Я даже начинаю подумывать: а не ты ли подложил нож после резни, чтобы потом держать Яснову на коротком поводке возле себя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.